

Главные вещи

Юрий
Серов

Юрий Серов
Главные вещи

«Цитата Плюс»

2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-4

Серов Ю.

Главные вещи / Ю. Серов — «Цитата Плюс», 2017

ISBN 978-5-906318-12-1

В сборник «Главные вещи» вошли рассказы и повести российского прозаика Юрия Серова. Произведения затрагивают актуальные темы и описывают будни современников: детдомовцев, жителей глубинки, спортсменов, аферистов, финансовых гениев и других представителей нашей страны.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-4

ISBN 978-5-906318-12-1

© Серов Ю., 2017
© Цитата Плюс, 2017

Содержание

Снег	5
Гимназия для умников	23
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юрий Серов Главные вещи

Снег

Стюардесса предложила мясо или рыбу.

В салоне самолёта оживленно ужинали, распаковывая масло и кусочки хлеба. Передо мной появилась пластиковая коробочка с выбранным блюдом, чашка чая и влажная салфетка, чтобы освежить руки.

Я отхлебнул из чашки, согревая желудок, и приступил. Вокруг шумели десятки пассажиров, но дискомфорта не создавалось. В Москве все давно научились не замечать посторонних. Шумит под окнами молодежь, бренчит в ночи гитара и мешает уснуть – встань и закрой окно. Оппозиция собралась на митинг – сделай вид, что не видишь бурлящей, недовольной властью толпы и проходи мимо. Затеваётся пьяная драка у метро – стеклянными глазами в пол и по стеночке, по стеночке. Не замечай никого, центр Вселенной – ты.

Ужин прекратился. Контейнеры и чашки забрали, пассажиры насытились и напились, откинулись на кресла. Уткнулись – кто в ноутбуки, кто в планшеты, кто в газеты, кто закрыл глаза и отдыхает. Я у иллюминатора, подо мной непроглядная тьма. Час как вылетели из столицы, плотность городов уменьшилась, и огни селений встречаются редко. Страна огромна, а что делать с землей, мы не знаем.

Отыскал в спинке кресла автомобильный журнал, начал читать, но мешались мысли, и я предпочел разглядывать картинки. Листал страницу за страницей, размышляя о родителях, о работе, о выбранных машинах. Думы громоздились одна на одну, образовывали кашу, и сон, обняв коварными мягкими лапками, убаюкал меня, унёс во владения Морфея.

Разбудил пилот, бодрым голосом сообщая, что через двадцать минут самолёт приземлится в аэропорту Нового Уральска. Я размял виски, поднял упавший на пол журнал, спрятал в сумку. Пассажиры выглядели возбуждёнными, лётчик наматывал круги, сжигая топливо, а

мне никак не удавалось прийти в себя. Не люблю спать ни днём, ни вечером: после сна ходишь варёный и ночью вертишься с боку на бок. Ничего хорошего. Вот и сейчас состояние, будто на голову примерили колокол и от души врезали по нему кувалдой. Процессор мозга шумит и отдается эхом в ушах.

Объявили посадку. Самолёт устремился вниз, паника захватила живот и активизировала нервные клетки. Люди замерли в ожидании толчка о землю, шасси коснулось асфальта, самолёт тряхнуло, и он понёсся по полосе, завибрировал, останавливая набранную скорость. Я потёр вспотевшие ладони и выдохнул. С детства боюсь высоты, но полтора суток в душном поезде с пьяными дембелями или ребятами бандитского типа не украшают железные дороги. В России умеют бороться с фобиями.

В аэропорту сообщили о прибытии московского рейса. Родина встречала крепким тридцатиградусным морозом, под ногами хрустел снег, а лицо, привыкшее к умеренному климату, с непривычки щипало и покалывало. Я прошёл до выхода, неся сумку с биркой «ручная кладь», и так как багаж не сдавал, через минуту оказался на улице. Вот он, Новый Уральск, город, где я родился, вырос и научился жить. Город, который я покинул, но всё равно люблю.

У стоянки такси я увидел отца. Высокий статный офицер, не теряющий военного шарма и в гражданской одежде, папа стоял, облокотившись на крышу автомобиля, и курил. Заметив меня, махнул рукой. Обнялись, хлопая друг друга по спине: в сорок шесть старший был в прекрасной форме, обладал недюжинной силой, тренируясь и бегая по утрам, и мои позвонки хрустнули, отдавая дань богатырским мускулам. Душа трепетала. Вдыхая запах отцовского одеколona, я осознавал, что и вправду вернулся. Не в Москве, не в Санкт-Петербурге, и не в Казани, я – дома.

– Вот и приехал, – сказал я.

Как чертовски уютны маленькие города. Главный проспект, широкий, яркий от неоновых вывесок и фонарей, словно жёлтое сердце, от которого отходят сотни артерий-улочек: полутёмных, с серыми панельными домами в пять и девять этажей. На проспект выходят те, кто живёт за сердцем, они шагают по асфальту, шурясь с непривычки от огней, показывают, что тоже являются частью системы и рано ещё их списывать со счетов. Правительство видит в нас мусор, и я, ребята, с вашей свалки.

Уральск не изменился за последние два года. Не прибавилось новостроек и торговых центров, не видно магазинов и бутиков. Но на Комсомольской площади, рядом с театром Драмы и памятником Ленину возвышается высокое здание российского банка. Будто прыщ на лице, оно уродует красивое лицо города. Сегодня появился банк, завтра построят автосалон, послезавтра привезут инвесторов: всё для того, чтобы потребитель насытился и выложил денег в бюджет. Для меня, человека, в детстве бегающего в крохотный ларёк за хлебом, это дико и совестно, я стыжусь и не узнаю родного края. Всё напоминает Москву, муравейник, поглощающий людей пачками и выплёвывающий за борт.

Таксист мчал по разбитым дорогам. Президент приезжал давно, губернатора возили по центру, так что асфальт не ремонтировали добрые лет десять. Подвеска тольяттинской «Калины» отстукивала по колдобинам и рытвинам, стонала о тяжёлой доле автопрома, а я, вытянув ноги по мере возможности, отдыхал после полёта. Отец сидел позади, улыбался, не в силах спрятать суровый нрав в момент приезда сына, а дома ждала мама и накрытый стол. Горячий харчо с луком и чесноком, сваренный из отборной говядины, любимые пельмени, мешок конфет, купленных к Рождеству, и самовар с водой, набранной из родника. Мама знала, что готовить для кровинки, а я предвкушал кулинарные изыски, несмотря на лёгкий перекус в самолёте. Ради такого ужина стоило преодолеть две тысячи километров; да я бы, честно, вытерпел и четыре, и пять, лишь бы похвалить старания хозяйки и откинуться с полным животом на стул. Для матери нет лучшей благодарности, чем сытый и довольный сын на кухне. И не страшно, что его не было так долго, сейчас – он за столом, и эти минуты милы и радостны.

Я моргнул, сбрасывая наваждение. Отец рассказывал о деде: старик, седина в бороду, бес в ребро, встречался с женщиной пятидесяти лет и не замечал почтенного возраста. Порхал бабочкой за «молодухой», ухаживал и дарил подарки. Я представил деда в костюме, наглаженного и причёсанного, при параде, невольно засмеялся, а в душе порадовался. Если я доживу до семидесяти, хватит ли у меня сил приударить за дамой, или я буду напоминать разваленный диван?

А в следующий миг навееяла грусть. Какой я глупец, если радуюсь за чужую женщину. Три года, как не стало бабушки, а дед позабыл о горе и поёт дифирамбы, выбросив золотую свадьбу за борт. А как же обещание чтить память о браке и второй половине, выбранной в далёком послевоенном времени? Выходит, всё пустота и наши слова теряются в памяти? Или мы сами их теряем? Нет, я бы себе такого не позволил. Помню, у друга Сергея умерла бабушка: мыла окна, поскользнулась на мокром подоконнике и выпала с пятого этажа. Никогда не забуду печальные глаза Серёгинаго дедушки, когда он сидел на краю лавочки у подъезда и глядел на палисадник, где разбилась любимая жена. Вот это любовь и уважение. А что происходит с моим стариком?

Я поделился мыслями с отцом, но он лишь пожал плечами. Обернувшись, я всмотрелся в него, в морщины, в серые глаза и посеребрённые виски, попытался представить старшего на месте деда, но отец, человек военный и дисциплинированный, в образ не укладывался. Он всегда жил строго по распорядку, предпочитал интригам казарму и сборы, полёты на самолёте и прыжки с парашютом, а в чужаках видел людей, которые хотят разрушить его семью, бастион, строящийся десятилетиями.

Такси миновало старый город и въехало на мост. Там, за мостом, деревянные дома, памятники купцам и отцам-основателям Нового Уральска уступали местность индустрии и урбанизации. Первооткрывателем был машиностроительный завод: весёлое название, если учитывать, что ни одного автомобиля так и не построили, а производили исключительно холодильники. На стене завода висели огромные электронные часы, показывающие время и температуру. Сколько себя помню, они никогда не ломались и не ошибались ни на секунду. Поворот налево – здесь здание «Уральского вестника», пожарная часть, где мы лазали в детстве с пацанами и играли в войнушку в разбитых красных ЗИЛах, знаменитый танцевальный клуб «Астероид», на сцене которого выступали все звёзды эстрады, площадь Васнецова и кинотеатр «Урал». Улица Мира, поворот направо, и мы на проспекте Ленина. Это и есть сердце Нового Уральска.

Водитель сбавил скорость, заметив мою заинтересованность, и я позволил себе поглазеть. Восьмая школа, по соседству пятиэтажка деда, в народе называемая «голубым экраном», военкомат, ресторан «Корабль», трамвайное депо, а сразу за ним институт, где я учился. Знаменитый перекрёсток бьющихся машин на пересечении с улицей Тагильской, опасный и унёсший жизни сотен жителей. Рынок на остановке Тбилисской, разделяющий Новый Уральск на Ленинский и Октябрьский районы. Поликлиника на улице Сорокина – ещё один рубец в памяти из детства: крикливые малыши, больные уколы под лопатку и стоматологический кабинет с бор-машиной. Следующая остановка – улица Добровольского, справа – «бедный посёлок», или в простонародье «квартал нищих»; элитные коттеджи, отстраиваемые мэрами, заместителями, генералами и прокурорами на деньги налоговиков – большущее пятно на карте «Гугла». Автостоянка, где раньше оставляли «десятку», пока не приобрели гараж, конечная трамвая № 4, холодные минуты ожидания на морозе и долгая дорога в школу. Сейчас трамваев практически не осталось, люди пересели на маршрутки, люди захотели стать мобильными и бесстрашными, отдавая право на жизнь уставшему лихачу-водителю. Им не жалко своей жизни.

За «бедным посёлком» – окраина: степь, гаражи, сады и река Бусинка. Перед окраиной несколько девятиэтажек, гордо называющихся проспектом Ленина. По задумке властей в конце

восьмидесятых главную улицу Нового Уральска планировали продолжать дальше, а на месте нашего района собирались отстроить «зеленый город» с высотками в шестнадцать и двадцать этажей, множеством деревьев, цветочных клумб и детских площадок, но СССР рухнул, дома забросили на уровне фундаментов и свай, а мы остались жить на краю.

Расплатились с водителем и присели у подъезда. Я угостил отца турецкими сигаретами, привезёнными из путешествия в Кемер, и мы закурили. Поговорили о зарплате и московских пробках, старший поинтересовался о давках в метро и электричках, о карьерном росте. Я рассказал о компании, в которой тружусь, о лизинговых заказах, о выставках в «Крокус Экспо». Посмеялись, вспомнив, как десять лет назад отец застукал нас с другом Стасом с пачкой сигарет и заставил выкурить её целиком.

– Было дело, – согласился папа.

Над головой сияли звезды, приятная тишина ласкала уши, и никакой мороз не мог прогнать две родственные души с подъездной лавочки. Мы задымили ещё по одной, собираясь обсудить планы на выходные, и тут совершенно неожиданно пошёл снег. Он падал крупными хлопьями на фонари, на припаркованные авто, снежинки покрывали каждый миллиметр земли.

– Помнишь, ты рассказывал мне о снеге? – спросил я. – То, что снег образуется, когда капли воды в облаках притягиваются к пылевым частицам и замерзают. После чего падают вниз, растут, и мы видим их уже в форме снежинок.

– Давно, наверное, – нахмурился отец. – Не припоминаю. Но если ты знаешь, значит, рассказывал. Когда ты маленький был, я много чего говорил. Вычитывал в книгах, а потом тебе за завтраком или за ужином вкратце объяснял.

– Новогодний, – сказал я. – Как в американских фильмах. Здорово. Стоял бы и смотрел. Так успокаивает.

Отец кивнул, подставив руку под снег. Хлопья падали на большую ладонь и таяли. Я всегда удивлялся, как папа легко преобразался: вот он полчаса колотил грушу в спортзале, выбивая песок могучими кулаками, а через минуту, во время передышки, разгадывая кроссворд, как ни в чём не бывало, богатырская рука держала карандаш и не дрожала. Волшебство, да и только.

Побросав окурки в урну, мы вошли в подъезд. Я шагал по ступенькам, представляя, что нахожусь у двери, палец промахивается мимо звонка, не слушается, но вот он чёрно-белый звонок, каким помню его с девяносто первого года, когда наша семья переехала в дом на окраине, и не могу промахнуться. Нажал три раза – условный сигнал, по которому родители знали, что вернулся я, а не кто-то другой.

Дверь отворила мама. В домашнем халате, подпоясанном фартуком, на ногах – пушистые тапки-зайчики белого цвета, традиционная короткая стрижка (жаль, седых волос стало больше – время не щадит), стильные очки с тонкой оправой, на шее – золотое кольцо, подарок отца на юбилей. Мама изменилась, но я легко узнаю дорогого человека среди сотен миллионов людей на Земле. Переступил порог, поставил сумку на пол и повторно за этот день попал в объятия.

Я разулся, поставил полуботинки на батарею в ванной, помыл руки и прогулялся по квартире. Странное ощущение: возвращаясь в дом, где ты провёл детство, отрочество, юность и часть взрослой жизни, словно попадаешь впервые в гости. Всё на своих местах: рамки с фотографиями, телевизор, шкафы, люстры; всё неоднократно виделось и запомнилось, но глаза обманывают, и кажется, что ты где-то на чужбине. Дня через три приходит осознание реальности, вспоминаются подробности, и квартира обретает привычный вид.

– Я погрела, – позвала мама.

Можно много рассказывать о кулинарных способностях матушки, но никаких слов не хватит. Лучше один раз попробовать, к чему болтовня? Полтарелки горячего, обжигающего рот харчо, семь пельменей (таких сочных, что кусаешь осторожно, чтобы прочувствовать весь

смак), танцующий самовар на кухонном столе, а следом и чай. Не та бурда, которую привыкли пить в столице. Этот чай отец достаёт у знакомого таможенника: крепкий индийский или зелёный китайский, настоящий; его надо заваривать в специальном чайнике водой из родника. Тогда чай получается густым и ароматным, каждый глоток доставляет наслаждение и расслабляет.

Мама помыла посуду и ушла спать, а мы забрали чайник и перебрались на балкон. Несколько лет назад папа выбросил хлам и старые вещи, застеклил лоджию, замазал щели, утеплил стены и пол. Пустое пространство превратилось в уютный кабинет, появились кресла и гостевой диван, батарея, чтобы зимние вечера не досаждали холодом, крохотный светильник и электрическая плита. Мы расселись, закурили и устроили чайник на плиту. Разговаривали на разные темы, слушали друг друга, соскучившись по родным голосам, хлебали чай и дымили.

– Ёжики в тумане, – шутил отец.

Спать я лёг с рассветом. Разобрал диван, расстелил простынь, взбил подушку, устроился, накрылся пуховым одеялом. За окном шёл снег. Белел, отражая свет луны.

– Дома, – прошептал я и провалился в сон. Разбудила мама.

– Вставай, соня. Сегодня новый год, пора готовиться.

Я проснулся, помахал ей рукой. Глянул на часы: половина десятого.

– Мы вчера засиделись, – сказал я. – С петухами легли. Столько не виделись, столько всего произошло, даже не представляешь.

Мама рассмеялась, присела на край дивана, потрепала меня по голове, будто маленького детсадовца.

– Надо за ёлкой сходить, украсить. Приготовить салаты, мясо в духовку поставить, убрать, стол разобрать. Умывайся, я кофе сварю.

Я отправился в ванную. Ополоснул лицо тёплой водой, побрился, всмотрелся в отражение в зеркале. На лбу появились кривые морщины, глаза потускнели, и нет огонька, который в юности позволял совершать чудачества. Москва высосала из меня яркость, потушила огни. Недавно справил двадцать шесть, а на вид далеко за тридцать. Я прижался лбом к прохладному стеклу, собрался с силами.

На кухне пахло кофе. Мама грела турку на медленном огне, и крепкий аромат витал в воздухе. Я нарезал хлеба, сыра, очистил от кожуры яйца, намазал маслом кусочки белого, разложил бутерброды на тарелке.

– Знаешь, на днях в журнале статью прочитал, что кофе на завтрак пить вредно. Врачи советуют зелёный чай и кашу, а кофе часов в двенадцать, так сказать, для поддержания тонуса.

– Сколько вы дымите с отцом, никакой чай на пользу не пойдёт. У нас завод за день столько отходов в воздух выбрасывает, что кофе и не заметен, а в Москве твоей недавно: и пробки, и выхлопные газы, и прочая гадость. Травят нас, как крыс, а потом удивляемся: здесь болит, там болит, тут опухоль выросла, рак по области пешком гуляет, – сказала мама.

Мы позавтракали, зарядившись «вредным» кофе, и отправились за покупками. Снега за ночь навалило по колено, дороги расчистили, а тротуары красовались протоптанными тропинками, поэтому мы шли, как заправские лыжники – паровозиком. Мама разговаривала по мобильному телефону с кумой, спорила о выбранном меню, предлагала разные варианты, а я наслаждался внутренним спокойствием и вспоминал район. Вот детский сад «Лёвушка», прямо рядом с домом: здесь собирался гоп-компанией сначала десятый, а потом и одиннадцатый «В» класс, пятнадцать-двадцать человек, несколько баклашек «Три медведя» или «Арсенального», пластиковые стаканчики, потрёпанные пачки «ЛМ». Каждый проходил эти этапы, когда хочется казаться взрослее, и сигарета во рту превращает из жалкого щенка в сердитого барбоса. Дешёвые понты. Как мы были глупы в те годы!

За детским садом – дом буквой Г, а за ним – небольшая асфальтовая дорожка. В девяностых здесь были болота, затем их высушили, собирались строить дома, но дальше свай дело не

зашло, котлованы так и остались с «зубами в сто рядов». Сейчас местные шишки хотят обустроить тут пруды и превратить захудалый район в место отдыха, но я слышу эту легенду из года в год и знаю, что приеду через десятилетие и картина не изменится.

– Сошлись на мантах и шубе, – сообщила мама, вырывая меня из раздумий.

– И столько нужно было спорить? – захохотал я. – Десять минут идём, вы сто тридцать вариантов обсудили.

Дорожка привела нас к остановке. Когда-то здесь бурлила жизнь: был крохотный рынок со сладостями, ларьки с кассетами, продавались проездные на трамвай. Смешные бабульки в оренбургских пуховых платках торговали семечками, а в «Роспечати» всегда имелся свежий номер «Советского спорта» или молодёжного журнала «Кул». В настоящем нет ничего: ларьки и рынок снесли, «Роспечать» переехала в центр, журнал «Кул» канул в лету, а кассеты никто не слушает. Нынешнее поколение школьников наверняка не знает, что такое магнитофон. Интернет правит миром, как телевидение в девяностых.

Мы свернули направо, на улицу Пацаева. Пару минут, и перед взором большой ёлочный рынок. По традиции искали сосну, невысокую, но пушистую, с несколькими шишками. Мама потянула за рукав, махнула головой. Я заметил красавицу, поторговался с продавцом, снизив цену до приемлемой, и мы тронулись обратно.

– Помнишь, в пятом или шестом году за сосной дядька ходил? – спросил я.

– Это когда он ту куцую принёс? С длиннющим стволом? – уточнила мама.

– Ага, всех в округе рассмешил... Да ещё с таким гордым видом нёс, будто у него кремлёвская ёлка на плече лежала.

Сосну занесли домой, а сами продолжили хлопотать. Сходили в «Великан», купили мясо, овощей, консервов, муки, мама занялась тестом, а я вооружился пылесосом и бросился на охоту за микробами и пылью. Не поленился и пройтись по углам с мокрой тряпкой: что за веселье в грязи? Протёр все полки, компьютер, люстру и большую антресоль.

А потом пришла очередь сосны. Обожаю этот момент. Среди всей новогодней и рождественской суеты он долгожданнее, чем выступление президента и бой курантов. Четыре блина от штанги кладем стопочкой, в них аккуратно ставим зеленую красавицу, обматываем блины белой тряпкой, создавая иллюзию снега. Из недр папиного кабинета появляется старый коричнево-красный чемодан с надписью «Минск», полный разнообразных игрушек: шаров, гирлянд, мишуры, снежинок, дождика с кусочками ваты.

Я щелкнул пультом, и из колонок полилась музыка. Моя любимая группа «25/17», сборник хитов десятилетия – отличное подспорье для тех, кто на правильной волне. Давным-давно отец морщился, услышав первый альбом «Многоточия», но я объяснил, что рэп для нашего поколения – такой же манифест, как в восьмидесятые рок: «Кино», «Аквариум» и прочие уважаемые люди. Папа похмыкал, а спустя какое-то время (вроде в девятом году) мы слушали рэп-альбом, посвященный Виктору Цою. Диск объединил меня с отцом, сблизил наши души, и теперь я всегда привожу ему хорошие диски.

– Мам, – окликнул я. – Глянь, как здорово.

Сосна и вправду получилась на пять баллов. Широкая, около двух метров, украшенная дедушкиными и бабушкиными игрушками, покупными шарами, гирляндами, на макушке яркая звезда – символ Нового года и Рождества. Мама оценила мои старания и позвала помогать, мы переместились на кухню.

Кухня напоминала Вьетнам в период войны с США. Жара, высокая влажность, хаос и неразбериха.

– Подключи мясорубку, – скомандовала «лейтенант». – Надо фарш для мантов. Для «шубы» все сварилось, поможешь? Я лук пока порежу.

– А что ещё из меню будет? Кто что принесёт?

– Наталья обещала печёночный пирог и оливье, кумовья – корейские салаты и холодец, Олежка утку в духовке запечёт, они с Надей только к одиннадцати придут, Надя работает сегодня. Дед со своей мадам что-то пекут, вроде говорили про пироги с мясом и капустой.

В половине пятого пришёл с работы отец. Мы пообедали, попили чаю, перекурили и сели за лепку мантов. С детства не любил лепить ни манты, ни вареники, ни пельмени, хотя они выходили ладными и ровнехонькими, но сегодня гостей ожидалось прилично, и лишние руки были на вес золота. Под шутки Петросяна и компании мы соорудили четыре доски главного шедевра вечера.

– Красавцы, – сказал отец. – Не налюбуйешься.

После шести потянулись гости, и суета достигла максимума. Посреди зала собрали стол, расстелили скатерть, и блюда появлялись одно за другим. «25/17» выключили, заиграла дискотека восьмидесятых, и под бодрые ритмы «Аббы» и «Модерн Токинга» год вступил в завершающую стадию.

В одиннадцать, когда банда была в сборе, отец провозгласил тост «За прощание с новым годом», все крикнули «Ура!», чокнулись фужерами и выпили до дна. Под разговоры и легкую закуску мы дождались выступления президента, и когда тот вышел в эфир, каждый произвольно повернулся и замолчал. Путин говорил, грозил террористам, обещал побороть коррупцию и расправиться с нечистью, а мы слушали. Я верил, что когда-нибудь Дед Мороз услышит слова президента и сделает подарок всем россиянам. Страна выйдет из трясины, из смрадного болота, куда её загнали. Может не сразу, может через десять или двадцать лет, но мы выберемся.

Никогда не замечал, но президент в новый год навевал грусть. Люди в предвкушении праздника, с заготовленным шампанским, готовым выстрелить пробкой в любую секунду, а у него лицо, словно накормили прокисшей капустой. Народ хочет видеть улыбку, радость, он триста шестьдесят пять дней батрачил и убивался на работе, грустил, а сегодня жаждет забыть о горестях и недовольствах, мечтает упасть лицом в салат, да так, чтобы никому не досталось.

Куранты отсчитали двенадцать раз.

Шампанское хлопнуло и полилось в фужеры.

– Ура! – закричали мы. – С Новым годом! С новым счастьем!!! Ура!!!

Все бросились обниматься, теория хаоса применилась как никогда. Мама фотографировала на память, мы корчились и смеялись. Год ушёл, впереди только радость и лёгкость.

Ночью отправились кататься на горку. Взрослые и дети, свои и чужие – с криками и улюлюканьем покоряли вершину, а после летели вниз, подложив под пятую точку фанерку или картон. Разыгравшись, кидались снежками, лепили снеговиков и строили крепости, прятались в ледяных туннелях и лабиринтах, взрывали петарды.

Меня переполняло счастье. Выпил я немного, глоток шампанского и бокал красного вина, но чувствовал себя пьяным, кричал и отжигал гопака. В новый год можно впасть в детство, вычеркнуть негативное, обнять маму и папу, сказать пару добрых слов и стрельнуть фейерверком в чёрное небо. Мы стареем: и я, и они, но Дед Мороз расколдовал всю семью, и мне снова пять лет, я маленький и беззащитный, держу родителей за руки, они молоды и грациозны, кувыркаются в сугробах, лица красные от снега. Волшебство.

– Снова снег, – сказал отец.

Мы посмотрели вверх. Снег появился неожиданно, но падал уверенно, мягкий и холодный, первый в этом году. Ложился белой простыней, укрывая всё вокруг.

– Пойдёмте домой, – позвал всех папа. – Попьём чаю и завалимся спать. Хватит веселиться.

Мы сидели с отцом в кабинете, обсуждали летнюю поездку на Волгу.

Над потолком клубился сигаретный дым, чайник разогрелся на плите, обогреватель, принесённый из гаража, работал на полную мощность. Папа настаивал на месяце, я предлагал

две недели: в августе надо было готовиться к осенним выставкам, на больше начальство не отпустит.

– Поехали в июле, – сказал старший. – Правда в это время жарче, в августе температура умереннее. Будем рыбачить, подводной охотой займёмся, я тебя научу. Феликс приедет из Сибири, попробуешь оленину и медвежатину, он всегда привозит... Можно и ружьишко прихватить, нам удавалось птиц подстреливать, но в основном ухой и тушёнкой питались. Здорово, ничего не скажешь... Костёр, Волга, палатка, гитара, горячая похлёбка из рыбы и Куприяныч с тысячей историй из жизни. Какие две недели – месяц пролетит, не заметишь. Я бы и на все лето уехал, но сам понимаешь – служба. Мужики с июня по сентябрь там, эх... Ну как, махнём?

– Оно, конечно, заманчиво, но максимум две недели. В июле не смогу, отпуска распланировали практически, а в августе запросто, но четырнадцать дней. Договорились?

– По рукам. Закрепим? – Отец разлил по бокалам зелёный чай. Выпив чаю, я пошёл на улицу. Решил прогуляться до центра. Вчерашний снег принёс теплую погоду, столбик термометра остановился на минус десяти, и гуляние обещало превратиться в сплошное удовольствие.

Последний раз я ходил на такие расстояния в институте. Как-то утром заболел преподаватель, пары отменили, и получилась прогулка от «Корабля» до дома. До этого отрезка я добрался быстро: особых достопримечательностей тут не было, а из магазинов многие закрылись на праздники. Книжный около «Голубого экрана» не работал, зато восточное кафе приглашало в гости. Я съел две отличных самсы с курицей и сыром, выпил эспрессо, любуясь у окна на прохожих, поболтал немного с официанткой, скусающей от недостатка посетителей, и погнал дальше.

На Комсомольской площади построили огромный ледяной город. Копии Московского Кремля, Лондонского Биг-Бена, скульптуры Деда Мороза и Снегурочки, Маугли верхом на медведе Балу, Винни-Пух с Пятачком, Белоснежка и семь гномов: фантазии строителей били через край и вдохновляли. Приятно увидеть подобное не у метро «Охотный ряд», а дома, на Комсомольской, в центре Нового Уральска.

Я курил, прохаживаясь, и удивлялся. Каждая скульптура сделана с любовью, все грани и изгибы аккуратны и сглажены. Изумительного таланта люди создали красоту из обычного льда. Через год или два они покинут город, уедут, как и многие, в поисках лучшей доли и нормального заработка. Москва, Питер, Самара или Екатеринбург примут их с радостью, дадут надежду, а Новый Уральск вырастит новых гениев. Так происходит всегда: большие и сильные забирают всё себе либо силой, либо деньгами.

Как-то меня спросили: «Саша, а зачем ты поехал в Москву? Что она тебе дала в итоге?» Я задумался и не смог ответить на вопрос, а много позже поразмыслил и пришёл к выводу, что ничего не дала. Съёмная комната, средняя зарплата (круто зарабатывают в столице топ-менеджеры, обычные специалисты довольствуются малым), жалкие попытки пройти вверх по карьерной лестнице, но три года я топчусь на первой ступеньке, и повышения не планировали и не планируют. Всем нужны работники, которые выполняют план и имеют достойные показатели: у начальства тоже есть планы, только глобальнее, и никто не станет терпеть неудачника. На твоё место всегда есть с десятков претендентов. Молчи и трудись в поте лица.

Да, я слетал в Эмираты, удивился уровню жизни арабов, мегастройкам и грандиозным сооружениям. Да, я отдохнул в Таиланде, полежал на белых азиатских песках и попробовал тайской кухни, пообнимал местных девочек и купался в море. Да, я видел Эйфелеву башню и Римский Колизей, снимал на камеру крайнюю точку Европы в Португалии, гулял по Ватикану, недавно мотался в Турцию. Хвастаться особо нечем, для Москвы я – чужой, чужеродный элемент. Чтобы купить там квартиру, надо зарабатывать другие деньги, а путешествовать по миру можно и из Нового Уральска. Не понимаю, зачем мы туда едем. Не понимаю, зачем я там выживаю и мучаюсь. Здесь родина, любимый город, родители, друзья, там я один-одинёшенек

в борьбе с пробками, давкой в метро и электричках, злыми приезжими и агрессивными прохожими. Москва – город борьбы, борьбы непонятно за что.

– Сашка! – Крикнули рядом. – Санёк!

Я обернулся на голос, но искали не меня: блондинке в пушистой шапке нужен был высокий Саша.

Нагулявшись, я побрёл обратно. Не стал тратить деньги на такси (к слову, стоили они здесь чуть дороже одной поездки в метро), шёл по проспекту и дышал воздухом города. Заряжался энергией перед очередным возвращением на работу.

На пересечении улиц Тагильской и проспекта Ленина я попал под снег. Он появлялся в праздничные дни неожиданно, по взмаху волшебной палочки Деда Мороза. Столица плыла в лужах от дождя и плюсовой температуры, а на Урале царил дух Настоящего Рождества.

– Как в кино, – сказал я. – Только актёры настоящие.

По возвращении домой меня напоили глинтвейном с корицей, я отогрелся и присоединился к столу. Сегодня гостевали кумовья и дядьки с жёнами, спорили о распаде СССР: жилось лучше раньше или сейчас. Я налёг на салаты и прислушался к полемике, но тема была чужда: осознание действительности пришло ко мне в России, те времена далеки, как Владивосток для Калининграда.

– Раньше жили лучше, – сказал отец. – И не спорьте. Давайте выпьем и закусим, скоро курицу подавать, а мы триндим.

– Как же так? – возмутился кум. – Не правы ведь!

Всё началось сначала: доводы, предположения, аргументы и факты, дефицит, политика Горбачева, ссылки, война с Афганистаном, где отец получил пулевое ранение и испорченные нервы; заводы, пятилетки, закрытые режимы. Кум любил доказывать своё мнение, хотя порой ошибался, но ему прощались все выходки: его сына Митьку крестил отец, да и семьи наши дружат с ледникового периода.

Под вечер буря успокоилась. Кум, убаюканный алкоголем, уснул в кресле, и тема сменилась. В эпицентр попал я, всем было интересно, как там в Златоглавой.

– Пробки, – рассказывал я. – Я жил в Подмосковье, в Ивантеевке. В электричке давка страшная, все надушатся, наодеколонятся, дышать нечем. Я несколько раз ездил, выходил на половине пути: голова кружится, перед глазами «мошки» мелькают. Пересел на автобус, но с поворота до МКАД порой час стоишь. Посчитал, дешевле в Москве снимать. Переехали с друзьями на ВДНХ, сняли однушку втроём, на метро тридцать минут до работы. В метро легче, хотя народу хватает. Не поверите, но можно не держаться за поручень, плотность так высока, что тебя поддерживают, и если падаете, то вместе.

Все рассмеялись.

– Неужели столько людей? – не поверила кума.

– Битком. Половина России перебралась в столицу и ближайшее Подмосковье, москвичи по две квартиры имеют: в одной живут, другую в ипотеку берут и приезжим сдают. Сказка, а не жизнь. Нам ловить нечего. Ещё и гастарбайтеры едут, дворниками устраиваются, снег чистят, посуду моют, убирают подносы в ресторанных двориках. Получают копейки, но в странах СНГ на сто долларов можно месяц прожить.

– Вот вам и итог спора про СССР, – сказала мама. – Москва жирует, у народа ворует, а провинция в заднице. Куда прикатимся, никто не знает.

Расходились под овации кумовьям. Перебравший кум споткнулся, сломал вешалку и наступил на хвост беременной кошке, попал под раздачу маминого недовольства, виновато развёл руками и сел на цветок в коридоре (его переставили со стола и забыли убрать). Началась всеобщая истерика, мы хватались за животики и лили слёзы, не в силах удержаться, а мама сердилась и требовала прекратить паясничать, отчего ситуация выходила комичнее, и волна смеха накатывала заново.

– Эта орхидея осталась от бабушки. – Мама топнула ногой. – Что вы за слон, господин кум!

– Пардон, кума... Я... ик... восстановлю... Посажу новый... Кума!

Мама обиделась, вернулась в зал, а мы с отцом пошли провожать кумовьев. Заказали такси, но ни одна машина не приехала, а отпускать пьяного кума папа не захотел. Взяли его под руки и выбрались на улицу.

Район встретил пустотой, горожане спрятались в квартирах, а редкие прохожие, заметив шумную компанию, обходили стороной. Без приключений добрались до улицы Добровольского, вручили кума крестнику Митьке и пошли обратно. Под ногами хрустел снег, мороз щипал за нос и щеки, и чтобы согреться, я откопал из сугроба пластиковую бутылку, бросил под ноги и отпасовал отцу. Старший принял снаряд на носок, подбросил в воздух и ударил. Я увернулся и пропустил гол, армия вышла вперед. Силясь отыграться, нападающий Александр прорвался по флангу, крутанул корпусом, обвел армейского вратаря, получил по ногам и рухнул на газон.

– Пенальти! – закричал я. – Фол!

Отсчитал одиннадцать шагов, взгляделся во вратаря. Армеец стоял, будто памятник в Бразилии: руки широко расставлены, спина ровная. Я размахнулся, врезал от души по «мячу», но отец вытащил из «девятки», коснувшись пальцами.

– Мазила, – сказал папа. – ЦСКА вперед!

Он ринулся в атаку, сделал пару финтов, прицелился, но бутылка соскользнула с ноги и прикатилась ко мне.

– Москва отразила опасный контрвыпад. – Я спародировал комментатора. – Защитник получает мяч от вратаря, пас Смертину...

– Он уже лет сто как карьеру завершил!

– Да без разницы... Смертин отдаёт налево, Жирков подхватывает мяч. Какая техника! Прямо Зидан, если издали смотреть. Навес! Сычёв рядом с воротами! Удар! И гол!!! Москва отыгрывается в суперигре сезона!

Домой пришли мокрые и трезвые. Алкоголь выветрился, по спине струился пот, ноги гудели.

– Есть два предложения, – сказал отец. – Сейчас по чайку с тортом, а завтра с утречка на охоту.

– Принято, – отозвался я согласием.

Вечером папа достал из сейфа патроны и ружьё, похвастался биноклем с функцией ночного видения и подарком от Феликса-сибиряка: старинной немецкой винтовкой времен Второй Мировой войны, трофеем Великой Победы советских солдат.

– Из неё убивали русских. – Папа принялся чистить шомполом ружьё. – Немцы завоевали всех: французов, поляков, – но не СССР. Советы дали им по носу, да только какой ценой. Сколько людей погибло, никто и не сосчитает... Эх... Твой прадедушка, братья его, всем не больше двадцати пяти было, ещё жить и жить, а попали в мясорубку под Сталинградом.

– Вся наша жизнь – война.

– Навоевались. Если начнётся третья мировая, планета не выдержит.

– Я слышал, отправили первых жителей на Марс? Через десять лет прилетят и останутся навсегда.

– Люди и там воевать станут. Тем более, если они перемешаны: разных рас и национальностей. Поспорят о религии, об исламе и христианстве, или у них будут общая марсианская религия и марсианское гражданство? Вряд ли. Мы поселены на планете Земля, Марс непригоден для жизни... Давай-ка закругляться, разбуду рано, ехать за город, а автобус ходит редко.

Я послушался и лёг, однако уснуть удалось не сразу. Представил себя жителем Марса, в скафандре с кислородными баллонами за спиной, неуклюжим и хрупким, чужеродным эле-

ментом, коим я являюсь для москвичей. Задумался, а смог бы я там остаться и не сойти с ума от красных пейзажей и другой гравитации. Нет, наверное, я не тот, кто должен войти в историю, как первый марсианин. Я зависим от Земли, я здесь рождён, я дышу грязным воздухом и выбросами машин, не вижу смысла в своём существовании, но все-таки люблю Россию и Новый Уралск, чтобы собрать пожитки и срулить в неизвестность. Наверное, я слишком осторожен и труслив, хотя однажды не побоялся в одних джинсах, футболке и летних сандалиях сесть на плацкарт и приехать с пятью тысячами рублей в столицу. Половину из них отдал за койко-место в квартире в Ивантеевке, остальные потратились на дорогу до Москвы и метро. Друзья помогли в поисках работы, я устроился в лизинговую компанию помощником менеджера, голодал, оброс долгами и кредитами, но выбрался и прижился. Каждый день думаю о родных, грозясь уехать, однако дни летят, а я в столице: накапливаю трудовой стаж и мечтаю о позиции старшего менеджера или руководителя отдела.

Отец разбудил в пять. Стянул одеяло, унес в спальню, чтобы я не надумал спать дальше, отворил окно и ушёл готовиться. Я быстро умылся, решил не тратить время на бритьё, помог папе со сборами, и в половине шестого мы спешили на автовокзал. Одетые в утеплённые штаны и камуфляжные куртки, с рюкзаками и большими ружейными чехлами, мы напоминали группу омовцев, едущих на задание. Разве что масок на лицах не хватало.

В автобусе я полчаса подремал, а когда водитель привез двух охотников на конечную остановку, и мы вышли на мороз, стало внезапно холодно. Хлебнув чая из термоса и перекурив, я ощутил прилив сил и взбодрился.

Мы переобулись в снегоступы и направились в сторону леса. Солнце поднималось из-за горизонта, окрашивая деревья в красный и оранжевый цвета, вспомнился вчерашний разговор о Марсе. Снег блестел синевой, сугробы были похожи на горы Килиманджаро и красовались чистотой, каждая снежинка словно кристалл. По мере углубления уши окутывала тишина, и лишь наши шаги нарушали её. А если остановиться, замереть на месте, можно услышать лёгкое дуновение ветра, ощутить его прикосновение: лицом, ресницами, губами. Лес тоже чувствовал ветер, макушки деревьев покачивались и будто напевали песню: «Ш-ш-ш, ш-ш-ш, ш-ш-ш», и по мере приближения мы слышали её отчетливее, а скоро тишина отступила. Лес жил и звучал.

Отец бывал в этих краях множество раз и шёл вперёд уверенной походкой. Снегоступы легко скользили по снегу, ноги не проваливались, за час мы одолели несколько километров и следов человека не замечали. Только ровный и белый снег.

Когда мы пробрались в глубину леса, отец замедлился, приложил палец к губам и показал на странный сугроб между соснами. Не понимая, я пожал плечами, а папа изобразил медведя, подняв руки вверх и согнув ладони наподобие когтей. Мы обогнули берлогу стороной, сделав приличный круг, и выбрались на широкую равнину, разделяющую лес.

– Не думал, что у нас водятся медведи, – сказал я.

– Они всегда водились, пока отстреливать не начали. А как спохватились, то и медведей не осталось. Заповедники открыли, запреты поставили, можно срок получить, но браконьеров не пугает: деньги дороже свой шкуры. Одного недавно поймали, в багажнике чего только нет, по ящику передавали в местных новостях, вроде показательной порки, а им хоть бы хны. Бегают, стреляют.

– Нам получается тоже нельзя?

– Почему это! У меня лицензия, и медведей и лосей я не трогаю. Мы охотимся на лису, а если удача отвернётся, попробуем птицу добыть.

– Слушай, а какое самое красивое место в Оренбуржье? – спросил я.

– Никогда не задумывался. – Отец поправил шапку. – Столько лет здесь живу, и такой вопрос... Хм... За Кувандыком есть замечательное место – хребет Шайтантау. Это не совсем Оренбуржье, это и Башкирские земли, от Уфы километров триста ехать. Рядом с рекой Казанбулак у Феликса живёт друг в деревне Идельбаково, он и водил нас смотреть хребет. Красно-

тища неопишная! Леса, степи, горы, воздух так чист, что голова кружится. А горы! Полкилометра в высоту, тянутся до горизонта. Кстати, Шайтантау переводится с башкирского языка, как «Чертова гора». Местные считали, что перепады температур и сильные ветра – козни нечистой силы, вот и нарекли. Хотя у меня лично Шайтантау ассоциируется почему-то с медведем.

Папа засмеялся и замолчал, вернувшись в раздумья. Я потянул его за рукав и остановил.

– Давай не будем сегодня охотиться, – попросил. – День прекрасен, не хочется никого убивать, а пообедать можно и консервами. Есть рыбные, с них уху сварим, а постреляем в банки или вообще не станем.

– Как скажешь. – Отец расчувствовался и обнял меня. Душа трепетала у обоих.

Мы расчистили площадку для костра, наложили сухих дров, папа принёс заготовленные с осени ветки, спрятанные в укромном месте, и разжёг огонь. Пламя разгоралось, я отыскал две рогатины и воткнул в землю, третья палка послужила вешалкой для казана. Побросав снега в посуду, мы занялись приготовлением, и пока уха из рыбных консервов закипала, закусили тушёнкой и луком и выпили коньяка из фляжки. Согревшись от огня и спиртного, добавили по порции горячего супа, выкурили по сигарете и прогулялись до края леса. Отец рассказывал о животных Южного Урала, показывал следы лисы и зайца, устье реки Бусинки, месторождение яшмы и необычную сосну с искривленным стволом, а я взирал на мир заново открывшимися глазами. Никогда не представлял, что Оренбургский край имеет неповторимый шарм и скрытую глубину, за которой скрывается истинное лицо природы. В мегаполисах люди не видят этого.

Домой пришли к ночи. Уставшие, счастливые и с позитивным настроением. Выпили чаю и собрались спать. Молчаливое ружье, не сделавшее ни единого выстрела, отправилось в сейф, а мы – по койкам.

– Посмотри. Американское кино, ей-богу. – Мама стояла у окна и удивлялась.

Я отодвинул шторы и обомлел. За окном ничего не было видно: снег валил плотной стеной.

– Сегодняшние рейсы отменили, – сообщила мама. – Трассы закрыты, маршрутки и такси не ходят, на дорогах только уборочная техника, и та не справляется.

– Да чихать! – засмеялся я. – Мне на работу девятого числа, а билет на самолёт восьмого, до той поры всё растает... А до восьмого я вообще могу из дома не выходить, кушать манты, пить чай и торчать в ноутбук.

– Так ты превратишься в крота! А сначала в ленивого трутня.

– Может мне подстраховаться и купить билет на поезд? Вдруг снегопад реально не закончится? Смех смехом, но на работе никого не волнует, что я опоздаю. Выпишут прогул, прогул приравнивается к предупреждению, три предупреждения, и свободен, словно птица в небесах.

Отец уехал на работу, и так как делать было нечего, я решил идти до улицы Мира, где находились ближайшие кассы. Собрался, одевшись теплее, попрощался, но через двадцать минут возвратился. Снега навалило по пятки, и скромная прогулка до развилки напомнила передачи о диких джунглях: продирался я аналогично. Ноги застревали, метель кружила, и ледяной ветер отбил последнее желание двигаться.

Мама сравнила рекордное путешествие с передвижением ленивца по дереву. Я махнул рукой, не обращая внимания на провал, заварил чаю и забронировал билет через Интернет: купе, верхняя полка, восьмое января. Таким образом, утром десятого я приеду в Москву, получу первое предупреждение, но не буду бегать как угорелый, если самолёт останется в Новом Уральске.

Успокоившись, я набрал в поисковике «достопримечательности Оренбуржья» и получил огромный список: Лесопосадки Карамзина, Аксаковский парк, Бузулукский бор, Гора Полковник, Красная Круча. Я открывал страницу за страницей и удивлялся, попав в новый

мир. Мир, в котором жил, но которого не знал. Спросил у мамы, бывала ли она в парках или заповедниках.

– Я не помню, – ответила она. – В школе ездили в Бузулукский бор, это в памяти отложилось, с бабушкой в Саре травы и грибы собирали, на месторождение яшмы учительница водила.

– Удивительно. Мы не знаем, что нас окружает красота. Мечтаем о загранице, а дальше носа не видим.

– Я кроме работы ничего не наблюдаю. Утром – маршрутка, днём – компьютер, вечером – маршрутка, плита и кровать. Как тут успевать?

– Хватит тебе ворчать. Давай лучше что-нибудь сготовим. Предложение маму заинтересовало. Готовить я вызывался редко, но талант и любовь к съестному делали из меня творца: кулинарные шедевры получались вкусными и красивыми. Бабушка, царство небесное, говорила, что и пальчики оближешь, да и глянуть любо-дорого. Когда Бог забрал её на небеса, баловать стало некого, а для себя я варганил обычные вещи вроде макарон по-флотски или картошки с курицей.

А в те добрые времена, когда работа не чернила белую студенческую жизнь присутствием, я обнаружил в шкафу занимательную «Книгу о вкусной и здоровой пище» советских авторов и приступил к экспериментам. Бабушка и дедушка питались по системе Александра: попробовали салат «Цезарь», маринованную утку с яблоками, сырный крем-суп, мясо с капустой, тушёной в собственном соку. Шеф-повар Саша был достоин двух звёзд «Мишлена».

Продуктов после праздников осталось немного: кусочек мяса, кефир, кругляш сыра, яйца, пакет с лавашами, пачка макарон, да килограмм картофеля.

– Здорово, потушим мясо с картошкой, сказала мама.

– Мясо с картошкой? – возмутился я. – Всего лишь? Сам Гуру снизошёл на кухонные просторы, а тут мясо с картошкой! Нет, извольте! Я использую все ингредиенты.

Вооружившись ножами, приправами и воображением, я прикинул, что может получиться, и приступил к делу. Нарезал мясо кубиками, обжарил на сковороде, добавив тёртой моркови, лука и чайную ложку томатной пасты. Полученную зажарку измельчил в комбайне до состояния фарша, остывший фарш перемешал с тёртым сыром и зеленью. Два лаваша устроил в форме с нахлёстом на бортики и высыпал смесь в форму. Кефир перемешал с яйцом, посолил, порвал оставшиеся лаваша в чашку, смочил и положил сверху на фарш. Закрыл пирог последними двумя лавашами, смазал маслом и закинул в разогретую духовку. Мама, наблюдавшая за спектаклем, только ахнула. Я, вытерев руки о фартук, поклонился.

Вечером вся семья собралась за столом. Папа, мама и я ели пирог, запивали горячим зелёным чаем и разговаривали. Главной темой дня был возможный переезд в Оренбург.

– Сегодня разговаривал с Николаем, это дедов крестник, если не помните. – Отец взял паузу на расправу с пирогом. – Он работает в госструктуре: то ли в администрации, то ли у губернатора, не важно. Весной запускается проект, строительство которого шло последние пять лет.

– Ракетная база?

– Всё верно... Так вот, мне предложили перевестись туда, без увольнения из армии, да ещё и с повышением. Обещают полковника, если контракт подпишу. Но не в этом суть. Николаю нужен помощник для проекта. Угадайте, кого он хочет видеть?

– Кого? – хором спросили мы.

– Дед сосватал ему тебя, Сашок. Они пробили в твоей компании, там дали рекомендации и положительные отзывы, в итоге Коля решил вернуть блудного родственника на родину.

– Как-то неожиданно, – сказал я. – А как же Москва?

– Да плюнь ты на неё! Тебе упал с неба шанс, повторно звать никто не станет. Николай на пенсию скоро уйдет.

– И правда, Саш, – сказала мама. – Ты подумай, никто не насаждает, но это достойная работа. Москва Москвой, но пора задуматься о будущем. Не всю же жизнь клиентов искать и лизинг втюхивать?

Позже, когда родители устроились у телевизора, я мыл посуду и размышлял о перспективах жить дома и стать помощником дедова крестника. Я ни черта не мыслил в ракетной индустрии и военных делах, но несколько лет назад не разбирался в лизинговых сделках, что не помешало переступить порог нынешней работы.

Москва манила и завлекала, но неудачи и реальность остудили пыл, и вера, которая раньше была через край, закончилась. Остались мечты, а одними ими сыт не будешь. Новый Уралск загибался: заводы закрывались, объявляя себя банкротами; предприятия перекупались, год-два барахтались на плаву на старом выхлопе, а затем уезжали в неизвестном направлении. Так, к примеру, перевезли куда-то на Дальний Восток крупнейшую кондитерскую фабрику, оставив без хлеба и пищи тысячи специалистов. Возвращаться сюда означало только одно – поставить жирную точку в делах карьеры и личностного роста. Оренбург был интереснее. Областной центр забирал и забирает лучшие местные умы, переманивает спортсменов и талантливых учеников и студентов, в него вкладывают и развивают, а мы в лучшем случае превратимся в свалку для отходов ракетного комплекса. Президент подписал соответствующий указ в конце девяностых, местные власти, получив откат, согласились. Мнение обычных горожан никого не интересовало.

Отец понял, что жизнь в любимом и родном городе подошла к концу. Для меня с переездом в Москву, для них с мамой в ближайшем будущем. Возможно, это произошло и раньше, и он ждал, когда позвонят с переводом. Не исключено, что предложение было до начала строительства. Всё-таки больше папы в Оренбургской области никто не служил. В детстве кадетский класс и школа ЦСКА, затем лейтенантские значки и звание мастера спорта, сборы и командировки, и как итог подписание контракта. Отец женился на армии, говорила всегда мама. Про него писали в газетах, принимали с почестями в мэрии, подарив звание почётного гражданина города, но папа ценил только казармы и солдат. Он воспитал столько «дедов» из «салаг» и «черпаков», сколько и не снилось врагам государства. Его уважали и побаивались генералы, воспринимая советы как должное, и прислушиваясь к ним, словно к сладостным речам оратора, обещающего манну небесную. Перевод в Оренбург он заслужил как никто другой.

Я переводов не заслуживал, но судьба распорядилась иначе. Я запутался в ощущениях и не знал, соглашаться или отказываться. Оренбург сулил новый виток в совершенно разных направлениях. Были вопросы, но они отпали. Никто на переезде не настаивал (кроме родителей), и разобраться хотелось самому. Я метался, втайне лелея столичные мечты, и надеялся на чудо. Русские любят верить в чудеса, это повелось со времён царя Гороха, когда добродушные крестьяне махали рукой и приговаривали: «Авось, пронесёт!» Я жил в России и ничем не отличался от древних соплеменников. разве что отсутствием бороды и современными технологиями, а во всём остальном разница в тысячелетие нивелировалась.

– Размышляешь? – Вошедший на кухню отец вывел меня из задумчивости.

Я дёрнулся и понял, что несколько минут мою одну и ту же тарелку. Вожу губкой по фарфоровой поверхности и тереблю душу. Папа включил чайник и хлопнул меня по плечу.

– Любое решение окажется правильным, – сказал он. – Это твоя жизнь, и ошибки, которые совершишь, тоже твои. Это твое счастье, и твои разочарования. Ни я, ни мама не проживем жизнь за тебя. Не мучайся, до конца праздников определишься. Захочешь, поедешь в Москву, захочешь – в Оренбург. Сейчас выходные и не надо заморачиваться.

– Хорошо, – ответил я.

Я заварил китайского улуна и пошёл в кабинет. Мы просидели до рассвета, но тему переезда не затрагивали. Разговаривали об охоте, о сибирской тайге и медведях, о выживании в экстремальных условиях и закаливании организма.

В шесть утра разгневанная мама выгнала нас с насиженных мест, и прокуренный кабинет опустел.

На Рождество в гости позвал дед. Мама согласилась, но в её душе сохранился осадок. Глядя на сияющего улыбкой деда, она видела в нём горе-гуляку, на старость лет крутанувшего головой в ненужную сторону.

Женщина по имени Мария, которую дед выбрал для сожительства (так выразились родители, и определение весьма точное) была некрасива, нестройна и напоминала манерами мужика. Её муж служил в лётных войсках и разбился в начале войны с Афганистаном, оставив троих детей на попечение жены. Мария ношу приняла с достоинством. Вкальвала на двух работах, а по выходным подрабатывала посудомойщицей в ресторане. Платили немного, но оставалась еда, которую поровну делили между сотрудниками. Дети, лишённые материнского воспитания, росли самостоятельными и равноправными трудными подростками, и по достижению совершеннолетия разъехались по Матушке-России, да так и потерялись. Писем и телеграмм от них Мария не получала. Говорили всякое, народ горазд на сплетни: старшая дочь якобы вышла замуж за африканца и попала в рабство; младшая стала наркоманкой и доживает дни в больнице; сын отсидел в тюрьме, алкоголик и крышует коммерсантов. Мария не верила в чужие рассказы и знала, что с детьми всё хорошо. Материнское сердце чувствует на любом расстоянии.

С дедом они познакомились после похорон бабушки. Он ходил на рынок через дворы и наткнулся на одинокую пожилую женщину, что-то спросил, та ответила, и завязался разговор. Выяснилось, что оба родом из соседних сел: Ивановки и Халилово. Дед рассказал о случившемся горе, Мария его поддержала и поведала о потере мужа. День за днём они встречались во дворе, садились на лавочку и говорили. Она о своей жизни, он о своей. Привыкали друг к другу и притирались.

Мама восприняла чужую женщину в штыки. С похорон бабушки прошли считанные месяцы, а дед крутил хвостом, будто кобель перед сучкой, и считал подобное поведение в порядке вещей. Называл Марию женой, вгоняя в краску от стыда, смеялся и вёл себя не поджентльменски. Его окрыляло, как в рекламе энергетического напитка. Дед порхал бабочкой по Новому Уральску и забывал звонить мне и маме. Его подменили, подсунув чужого старика.

– Правильно бабушка говорила, – злилась мама. – Как только меня не станет, он сразу бабу в дом приведёт! Так и вышло. Все вы, мужики, из одного теста слеплены.

– Что ты всегда всех под одну гребенку чешешь? – парировал отец доводы. – Люди разные, и среди женщин подлецов хватает, и среди мужчин. И дети неподарками бывают.

– Ничего. – Мама обиделась и ушла в спальню.

– Женщины, – развел руками папа. – Никогда их не поймешь.

Мы шли к деду в молчании. Мама – демонстративно отвернувшись, а я и отец следом, как верные оруженосцы. Гулким эхом разносились шаги по подъезду, сообщая о прибытии, и на пятом этаже гостей встречала Мария.

Я прожил здесь детские и школьные годы и настолько привык, позвонив в домофон и преодолев лестницу со скоростью беззаботного юнца, видеть у двери с номером «60» бабушку, что сейчас невольно заморгал и восторженно встрепенулся. Бабушки больше не было, Марию я не знал и видел впервые.

Мы вытерли ноги, отряхнув остатки снега и грязи на коврик, потопали и спрятались за дверь. Я разулся и прошёл внутрь, удивившись, насколько изменилась квартира. Вещи стояли те же, что и пять-десять лет назад, но выглядели по-другому, словно с налётом пыли, хотя ни одной пылинки я не заметил: чистота и порядок, даже стекла в шкафах протёрты.

Дед сидел во главе стола, поднялся с деловым видом навстречу – эдакий буржуа на приёме, и заулыбался.

– Сашок приехал! Обнимемся!

– Здорово, дед, – сказал я.

Мы обнялись, но объятия получились картинными. Сцена напомнила неудачную игру двух картонных персонажей из скучного фильма.

– Жена приготовила пельмени, – сказал он. – Пальчики оближешь.

– Ты женился? – «удивился» я.

Он сделал вид, что не расслышал, сморщился и обратил взор на папу и маму, оставив вопрос без ответа. Дед обнял отца, хрустнул под тисками старшего и закричал. Мама чувства проявлять не пожелала и заняла свободное кресло. Дед не смутился, холодная война ему нравилась, он чувствовал себя главным генералом на поле боя и мастерски хитрил.

– Сашок, как в Москве? – спросил дед.

– Хвастаться нечем. Работа, съёмная квартира. Все, как у всех. Обыденно.

– Я тут с Колей недавно разговаривал, тебе отец говорил?

– Да, мы общались. Думаю пока.

– Маша, вода закипела? Закинь сорок штук!

– Закипела, – отозвалась с кухни Мария. – Бросаю.

Мы выпили по стопке крепкой и сладкой малиновой настойки, закусили салатами и ждали. Мама не проронила ни слова, дед улыбался и подмигивал, а я и отец налегали на еду. Атмосфера накалялась.

Взгляд упал на приоткрытую тумбочку, и я заметил стопку пластинок. В мозгу щёлкнуло, и он перенёс в девяностые, в далекое, беспроblemное и беззаботное детство.

В зале танцевали гости: кумовья, коллеги деда по заводу, соседи, друзья. Пол сотрясился под звуки «Синего инея», «Сиреневого тумана» и «Миллиона алых роз», а на столе гордо стоял проигрыватель. Пластинки меняли, менялись танцующие, веселье не прекращалось. Звучали тосты, я сидел у бабушки на руках и изумлялся праздничному балагану. Было одновременно и весело, и страшно...

– Пельмени, горяченькие. – Мария принесла в зал большую тарелку.

– Жена, умница! – похвалил её дед.

Мама не сдержалась, стукнула кулаком по столу и напомнила деду, что он не женат, и если надумает, то общаться они прекратят немедленно. Дед насупился и убрал показное веселье, сбросил маску.

– Некрасиво. – Мама постучала пальцем по виску. – Тебе семьдесят лет, а ты глупости городишь, как ребёнок. Ты жену похоронил недавно, если не помнишь. Забыл уже, что ли?

– Отставить крики! – вмешался папа.

Мама всхлипнула, Мария поставила тарелку на стол и ушла на кухню, а дед заиграл желваками.

– Может, перестанем ругаться и поедим? – сказал я. – Пельмени остынут. Выпейте настойки, выпустите пар.

Отец разлил спиртное по рюмкам и огласил: «За понимание!» Все чокнулись и выпили.

– Ты не знаешь, что по зарплате в Оренбурге выходит? – спросил я деда, уводя от разговоров о жёнах.

– Жаловаться вряд ли придётся, – ответил дед. – Коля обещал не хуже, чем в столице платить. Я так просил. Дальше, как договоритесь. Принесёшь справку о доходах, примерно, и посмотрят. В эту базу денег вбухали, на зарплате не экономят.

– Как у тебя с садами? Сажаешь ещё?

– Разграбили всё. Летом уже не сажали. Трубы срезали, воды нет, будку разобрали... Сносить их хотят, по пять тысяч компенсации на нос дали. Я взял, зачем мне теперь сад? Пенсии со скрипом, но хватает. Ты изредка денег присылаешь, так что не жалею. Жалко, конечно. В семидесятом году сад купили, считай сорок лет кормил нас и баловал. Дерево в углу

помнишь? Ранетки? Ровесники его. Ничего не осталось... Вандалы... Ни стыда, ни совести, Сашок.

– А у Бусинки сады продавали, я на форуме читал. Взял бы себе, там охрана, никто не сунется.

– Хватит. Пора и честь знать. Я теперь настоящий пенсионер, к сестрам поеду: в Башкирию, в Стерлитамак и к брату, он в Крыму живёт, в Севастополе. Николай звал, у него дом под Оренбургом, проведу на недельку-другую, там сауна и бассейн, природа. Отдохну и душой, и сердцем. На рыбалку ходим. Поедешь с нами?

– Мы с отцом на Волгу договорились, если отпустят. Он тоже в Оренбург переводится, и у меня под вопросом.

– Я бы на твоём месте вернулся, – сказал дед. – В гостях хорошо, а дома лучше. Надо расти, Сашок. Здесь помогут, пока Коля в администрации, а на пенсию уйдёт, там и ты на ноги встанешь. Успеешь карьеру сделать.

Я не ответил. Откусил пельмень, высосал из него сок, помазал «огоньком» и посмаковал. Пельмени в нашей семье ценили, готовили на праздники и по приходу гостей. Сложившаяся традиция передавалась из поколения в поколение, и когда я угостил ребят в Москве, они удивились, насколько вкусным получилось блюдо. Привыкшие к магазинным кругляшам, они и не догадывались, что правильная форма напоминает чебурек, и в чебуреке сохраняется больше сока, чем в круглом.

– Дед, пельмени как всегда на высоте, – похвалил я. – Марку держишь.

– Талант не пропьёшь, – отшутился он.

Выпили по третьей и смягчились. Мама перестала цеплять деда, Мария сидела тихо и в разговорах не участвовала, а мы втроём балагурили, вспоминая смешные эпизоды из жизни: как я укатил на велике из-под зоркого ока прабабушки; как отец сломал лестницу и упал в крыжовник, поцарапав спину и плечи; как мама впервые варила суп и высыпала банку риса, и рис выбежал на плиту. Дед веселился, но глаза его были печальны. Я видел, а родители не замечали. Им казалось, что он наслаждается новой жизнью, без ограничений и стоп-кранов, отрывается, как выражается молодёжь, на полную катушку. Однако искорка в глазах, которая всегда выделяла деда из толпы, потухла со смертью бабушки. Вся показуха – притворство и театр, дабы не умереть от одиночества. Чтобы увидеть это, необходимо разбираться в людях.

Пообедав, сыграли в «дурака»: каждый за себя, но получалась в командах: я с отцом, а дед с мамой. Папа играл сильно, помогал, и битва вышла на загляденье, особенно когда козырные обходили стороной. За вечер мы ни разу не остались.

Домой шли пешком, наслаждаясь очередным снегопадом. Снег падал с Нового года, подарив новоуральцам праздник и неповторимую радость. За прошлые годы зимой не выпало и десятой доли того, что погода преподнесла в эту. Метеорологи винили циклоны, но я знал, что они не причём. Город удерживал от уезда, хотел, чтобы я, если и не остался здесь, то хотя бы не покидал область.

Зимний проспект был чист и прекрасен. Одинокие прохожие вязли в снегу, улыбались, и мир казался выдуманной сказкой. Мы держали маму под руки, и когда она начинала скользить, дружно подхватывали и ставили на место. Мама смеялась, ей доставляло удовольствие внимание любимых мужчин. Наверное, она вспоминала детство, когда дед и бабушка помогали не упасть, а она каталась на льду, позволяя иногда оторваться от земли и повиснуть на родительских руках.

Годы уходят, воспоминания остаются навсегда, и их не заменить. Каким бы ни было впечатление: плохим или хорошим, оно вгрызается в память, словно заноза в человеческую плоть. Мы живём этим, и слаб тот человек, который мечтает забыть прошлое.

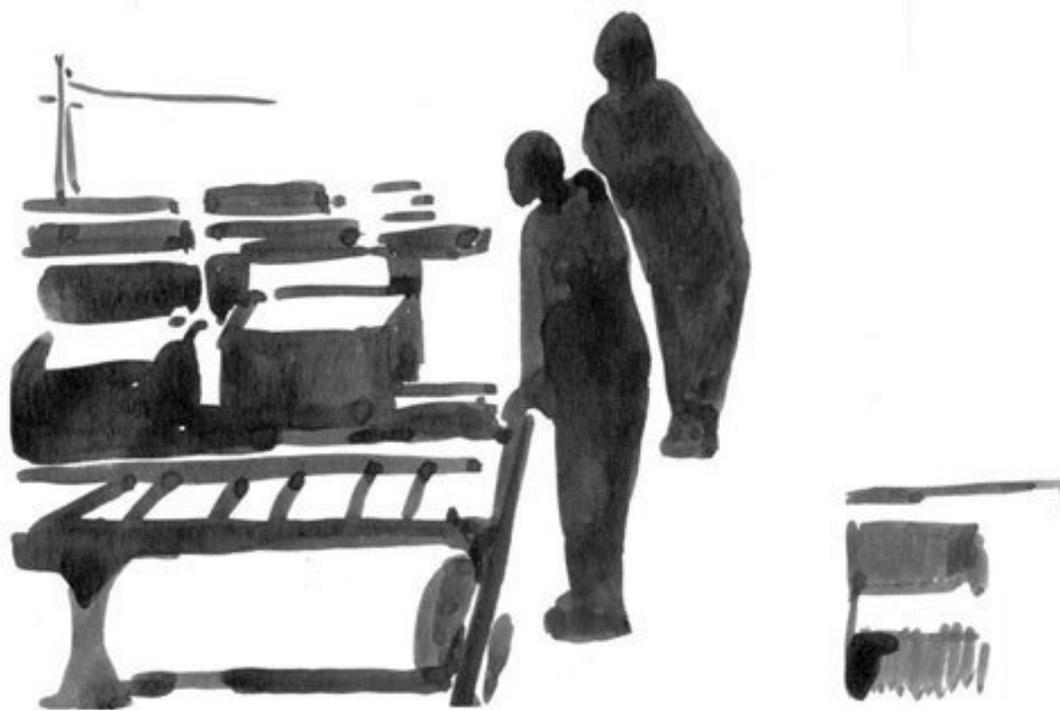
Я шёл и мысленно представлял себя на месте мамы. Мелким шалуном, только-только начинающим жизнь в большом и грязном мире. Я был беззаботным и не ведал преград. Какие

преграды, когда крепкие руки отца подкидывали тебя, как ветер пушинку! Легко и непринуждённо – папа брал награды по тяжёлой атлетике и подбрасывал меня. Легко и непринуждённо – папа казался героем из комиксов. Детство виделось бесконечным, а не успел оглянуться, как тридцатилетие маячит на горизонте, и пора задуматься о свадьбе, о наследнике, о жене.

Решение сложилось само. Я подмигнул отцу, сжал крепче мамин локоть, и прогулочным шагом мы направились к новым переменам. Душа успокоилась и трепетала.

Как тогда, в детстве...

Гимназия для умников

1

Единственный друг Костя Лазарь умер глупой смертью. Бежал по московскому переулку, хлюпая разбитыми кроссовками по лужам, и попал под полицейскую пулю. Пуля снесла половину черепашки и вонзилась в кирпичную стену. Лазарь, кувыркнувшись, рухнул на асфальт и притих. Без крика, как настоящий мужик.

Когда Лазаря не стало, привычный распорядок дня прекратился. В одиночку трудно доставать пропитание и одежду, а ходить с протянутой рукой Дима Шкет не привык. Украсть – да, прикарманить – легко, он был согласен жить впроголодь и питаться быстрорастворимой лапшой за семь рублей, но просить у прохожих – нет, никогда. Лазарь не простил бы ему слабости.

Они познакомились с Костей на Казанском вокзале год назад. Шкет гулял по перрону в поисках добычи (простачка, у которого легко отбить денег, или зеваки с открытым карманом) и наткнулся на шустрого паренька одиннадцати-двенадцати лет. Паренёк насвистывал песенку, ходил вдоль вагонов приехавшего поезда и выглядывал жертву. Димку он тоже приметил, погрозил кулаком и мотнул головой в сторону выхода. Дима угрозу проигнорировал и через две минуты «радовался» знакомству.

– Эй, браток, вали-ка отсюда, пока цел, – вместо приветствия прошипел Костя. – Здесь не твои владения.

– Походу и не твои, если сам скрываешься, – огрызнулся Шкет. – Большие дяди правят миром. На кого работаешь?

– Прикальываешься, да? Я сам по себе, ни под кого не ложусь. А ты на Ахмеда пашешь, наверное?

– Не видел никаких Ахмедов.

– Значит, не попался. – Лазарь спрятал руки в карманы. – Эти, брат, бизнес держат. Посмотри. – Парнишка указал на молодого азербайджанца. – Он за порядком следит, а шестёрки промышляют. Видишь, двое, шастают, приезжих обирают. Прибыл в гости пензючок или сибиряк, Москву-матушку поглядеть, денег с собой взял, а тут его – раз: ой, дружище, давай столица покажем, каждый уголок знаем, айда скорее, давай-давай! Тот естественно включает заднюю, а кошелька-то нет, тютю. Так что вали, пока шкура целая, а то навалеют.

– Они пусть боятся, – насупился Димка. – Я за себя постоять смогу. Не смотри, что шкет, дам – мало не покажется.

Лазарь улыбнулся. Скоро они сидели в кафе и наворачивали «выгодный завтрак за сто рублей». Костя рассказывал о жизни. В семь лет он сбежал из дома, бродяжничал, питался чем придётся, попал в банду домушников, лазил в форточки, добывая золото и наличность, однажды попался, был избит хозяином квартиры и отправлен в детскую комнату милиции. Дальше как в сказке – детдом, побег, улица, детдом, побег, улица, снова детдом, на этот раз строгого режима для малолетних преступников, снова побег и улица. История один в один похожая на историю Димки Шкета. Пьющий отец, пьющая мать, друзья-собутельники, многодетная семья и никакого будущего в перспективе.

Позавтракав, катались на электричке. С Москвы до Сергиев Посада и обратно. Дремали под монотонные голоса продавцов, прятались от кондукторов, перебегая из вагона в вагон, смахнули у бородатого дядьки кошелек с парой тысяч наличных и кучей разноцветных кредитных карт, трескали горячие беляши на станции Мытищи, бродили по базарчику, ныкая у торгашей то огурец, то помидор, то морковь, а после стояли на мосту и смотрели на поезда.

– Представляешь, Шкет, мы одни в этом мире, – сказал Лазарь. – Ты сам по себе, я сам по себе, и никого больше. Никто не обнимет, не скажет доброго слова, никто не подбодрит. Мы – сироты, Шкет. Бездомные сироты, твою налево... Знаешь, когда я вырасту и заведу семью, то отдам им всё. Веришь? Отдам всё до последнего.

Внизу грохотали вагоны, а Костя философствовал. Закурив сигарету, он представлял, как повзрослеет, устроится на хорошую работу, встретит симпатичную девушку и женится, а позже родится сын или дочка, они вместе заедут в новый дом, и жизнь наладится. Жена станет домохозяйкой, а Лазарь бизнесменом, серьёзным человеком, на котором держится фирма, добытчиком денег и любимым отцом.

– А у тебя, Шкет, есть мечта?

Была ли мечта у Димки? Пожалуй, была. Ему хотелось, чтобы в будущем, лет через пятнадцать-двадцать они встретились с отцом. Шкет стоял бы в английском костюме, поигрывая ключами от «БМВ», а отец вышел из подъезда с незаменимой «Примой» во рту. Этой встречи Дима жаждал: увидеть на лице предка удивление, что мелкий, никому не нужный, брошенный на произвол судьбы мальчишка добился всего сам, было бы пиком справедливости. Птенец, выкинутый из гнезда, прилетел вольной птицей.

Из Мытищ двинули на Ярославский, прыгнули в метро и гуляли по Красной площади. Лазарь предположил, что туристы уязвимы и слямзить у них фотик или камеру – дело пяти секунд. Шкет посмеялся, подкалывая нового друга, но Костя поставил план на вечер: один фотоаппарат и одна видеокамера. Часа полтора они доставали добрых японцев, выкрикивая не к месту «руссо туриста, облик морале», и под шумок смогли раздобыть профессиональный «Никон», который загнали в ближайшей скупке за четверть цены. Димка удивлялся виртуозному искусству Кости: Лазарь словно родился для чужого имущества, золотые руки могли украсть что угодно.

На вырученные деньги собрались в «Макдональдс». Пешком дошли до Пушкинской площади, и огромный, кишачий людьми и пахнущий жареным мясом, дом проглотил их. Шкет поразился: толпа посетителей, толпа кассиров и поваров, шум, гвалт и очередь в двести голодных человек.

– Как на Казанском, ей-богу, – сказал Димка. – Давай лучше в пиццерию или в «Му-Му», там кормят нормально.

– Да брось, – запротестовал Лазарь. – Заточим по гамбургеру, картошки-фри рубанём. Колы холодной выпьем. Или хочешь, на набережной посидим, пивока пропустим? Я кафешку одну знаю, там нальют.

– Давай просто на набережной посидим. Сами пивоа купим.

После «Макдональдса» взяли пиво, кальмаров и устроились на набережной. Вечер выдался погожий, солнечное пекло стихло, тёплый бетон грел косточки, а холодное «Клинское» радовало душу. Костя вспоминал смешные случаи из детства, поведал о городе Владимире, где родился. Похожая судьба объединила ребят, и они пообещали выкарабкаться со дна, что бы ни случилось.

Заночевали на чердаке у Лазаря. Костя нашёл комнатку под крышей старой пятиэтажки, постелил матрас, подключил лампу, и получилось уютное жилище. С того дня Димка сменил неудобное кресло Казанского вокзала на чердак. В туалет поднимались на крышу, умывались минералкой, а мылись два раза в неделю в бане на Красных Воротах – пять минут от «дома». Лазарь по привычке к Шкету, проникся доверием и открыл секрет: он запоем читал всё подряд. Подтянулся и Димка, любящий книги, и скоро они глотали тома от детских детективов до классических романов. Сверстники протирали в школе штаны, изучали ненужные науки, вроде черчения и концепций современного естествознания, а Лазарь со Шкетом учили науку жизни на Площади трёх вокзалов, набивая кулаки в драках и стычках, спина к спине, до последнего, пока враги не лягут.

Помимо чтения Димке нравилось сидеть на крыше и смотреть с высоты на жизнь мегаполиса. Километровые пробки по Садовому и Третьему транспортному кольцу, завешанные тканью реставрируемые исторические постройки, сталинские высотки, видевшие советскую элиту, небоскребы Москвы-Сити. Столица радовала глаз красотой, но Шкет знал, что внизу, за стенами вокзалов, да и просто на улицах, жизнь протекает другая – бедная и несчастливая. Люди не видят ничего, кроме серых стен офисов, экрана монитора и блестящей лысины начальника, батрачат от зари до зари и не подозревают, что свобода и есть настоящая красота. Ты делаешь, что душе угодно, отправляешься на край света – разве можно променять независимость на рабство? Если работать, то в солидной компании, решать серьёзные задачи и получать соответствующую зарплату.

На чердаке прожили до середины сентября. Лето выдалось жарким, крутились, как волчки. Лазарь учил Шкета азам ремесла, заставлял тренироваться, обирая туристов и приезжих, показывал мастерство, разводя простачков. Жизнь текла размеренно. Вставали в полдень, ложились в три-четыре утра, часто с полными карманами денег и золотых украшений, гуляли по полной, кадрили прилежных школьников, бегали от полиции и участковых. Отдыхали по полной, пока грозный дворник, окая вологодским акцентом, не поднялся наверх и не выгнал гореарендаторов, закрыв вход на амбарный замок. Злились, вынашивали планы мести, но новое место жительства нашлось быстрее, чем за сутки. Москва большая, предположил Костя, и вскоре ребята обживали солидный пентхауз неподалеку от метро Алексеевская, с видом на Проспект Мира.

В центре притихли. Денег оставалось прилично, неделю отдыхали от суеты. Отъедались, съездили в «Библиоглобус» за книгами, купили зимнюю одежду, ботинки и осмотрели район. В одном из дворов Лазарь приметил тачку, на которой перевозили мусор, смекнул, что да как, и придумал бизнес. Днем они приглядывали авто с литыми дисками, а ночью, опробовав на сигнализацию, скручивали колеса и везли в шиномонтаж, где за две-три тысячи продавали. До утра делали несколько ходок, прятали тачку и считали выручку. За неделю выходило примерно сорок-пятьдесят тысяч – средний московский заработок. Рискованно, но прибыльно.

Однажды чуткий хозяин разглядел в окно два сторбленных силуэта, выскочил на балкон и пальнул из травматки. Чудом не попал, грозился убить и вызвать вора патологоанатомов. Отдышавшись в переулке, Шкет и Лазарь услышали полицейскую сирену, спрятали тачку и затаились. Попасть в руки фараонов в их планы не входило. Это означало одно: детский дом, надзиратели, дедовщина, драки и унижение. На экстренном заседании приняли решение прекратить ночные вылазки.

Новый год отметили на Красной площади. Пили шампанское, закусывали конфетами, отвернулись, когда транслировалась речь Президента, демонстрируя отношение к власти, грустили при фейерверке и загадывали желания.

В январе Костя предложил вернуться к колесному бизнесу. Он любил ходить по лезвию ножа и рисковать. Димка не соглашался, выдвигал контраргументы, но Лазарь не сдался. Достал где-то другую тачку, и дела возобновились. Напрасно Шкет втолковывал другу о глупости затеи, тот был непреклонен. Если Дима отказывался идти, Костя собирался один, ворчал, и приходилось одеваться следом.

Попались глупо. Везли тачку к автосервису, вывернули из-за угла и нос к носу столкнулись с ППС. Патрульные на мгновение обомлели, но спустя секунду погоня набирала обороты. Лазарь и Шкет петляли переулками и не останавливались. Фараоны, наученные и подготовленные, настигали. Оторваться не удавалось.

– Стоять! Достаём оружие! – угрожали полицейские.

Первый выстрел в воздух восприняли обыденно: никто не мог подумать, что полиции взбредёт в голову палить по подросткам. Но когда полетели пули, Димка и Костя невольно закричали. Поняли, что шутки закончились. Вильнули в узенький закоулочек, снова грохнуло. В лицо Шкету брызнуло теплым, Лазарь упал. Эта была его последняя весна.

Как удалось удрать, Димка не помнил. Перед глазами мелькало, свистели пули, летели искры от стен. Шаги преследователей слышались гулким эхом, но Шкет выдержал марафон. У метро прыгнул в такси, прокричал водителю адрес, бросил на переднее сиденье тысячу и попросил отвезти на ВДНХ. Там растворился среди пестрой толпы, смыл в фонтане кровь и гулял весь день по Выставочному центру. Идти на чердак не отважился: перед глазами мелькал убитый Лазарь, единственный в грязном мире родной человек.

В душе зияла пустота. К потере Кости Димка отнесся ранимо, однако понимал, что мог повторить судьбу друга, и лежал бы неопознанным в столичном морге. С непокрытыми ногами, с номерной биркой на большом пальце, с закрытыми потухшими глазами.

Вокруг давил мегаполис, крупнейший, с сорокаэтажными небоскрёбами, миллионами москвичей и гостей. Шкет среди исполинов ощущал себя мелкой букашкой. Впервые за недолгую жизнь он встретил человека, помогавшего во всем, и потерял глупейшим образом. Неужели нельзя было остановить, переубедить, придумать другой способ заработка, менее проблемный, врезать Лазарю между глаз, чтобы мозги встали на место, и Костик позабыл о литых дисках. Димка корил безответственность, считал виновным не полицейских, выполнявших долг, а человеческую слабость. Он выступил перед Лазарем слабаком, позволив разувать машины, и должен был настоять на карманных кражах. Привычно и отработано до мелочей, за день можно заработать не меньше, а иногда и вовсе сорвать куш. Приезжие всегда с пачками денег, которые по простоте прячут в кошелек, а достать для Кости не проблема. Профессор воровского дела и магистр чужих карманов, постановщик сумасшедших номеров, он вытворял кренделя, какие никому не снились.

С приходом весны отпустило. Растаял снег, из земли пробивалась трава, на солнце прибавили яркость. Люди ожидали лета и июньских отпусков, школьники готовились к экзаменам, а Димка грустил. Читал книги, гулял по городу, но радость жизни пропала.

2

Из тонированного джипа выбрался мужчина. Не мужик, не парень, а именно мужчина: представительного вида, в сером костюме, с седыми проблесками в смоляных волосах, крепкий и подтянутый даже на фоне телохранителей. Постоял, осмотрелся, кивнул, и вся делегация, кроме одного охранника, скрылась в здании банка.

Димка проводил взглядом серьёзных людей. Он давно научился отличать шушеру от бизнесменов, и эти к мелким сошкам не относились. Шкет отбросил в сторону мечты о кошельке и забрался на спинку лавочки. Мужчина, пробыв в банке минут пять-семь, вернулся в джип и уехал.

Паренёк насупился. Утро принесло разочарование: шагая по тротуару, он был облит лихачом, сходил переодеться, надеясь на удачу, но время близилось к обеду, а финансы не пополнялись. Сегодня Димке не везло. Попадались зоркие глаза, гнавшие прочь, когда он подбирался к карману. Один мужик пихнул в спину, заметив Шкета поблизости, и пообещал накостылять, если тот не уберётся. Дамочки, обычно витающие в облаках или болтающие по телефону, поблажек не давали. Дело шло к провалу.

Задумавшись, Димка засмотрелся на проспект и замечтался. Представилось, что он на заднем сиденье внедорожника, уткнулся в планшет и решает вопросы. Вокруг красуется Москва, сумасшедший город-жернова, а ему не страшно. Шкет сильный и никого не боится.

– Парень, у тебя свободно?

Димка вздрогнул и обернулся на голос. Позади стоял мужчина в сером костюме, тот, который недавно уехал на джипе.

– У тебя свободно? – повторил вопрос бизнесмен.

Шкет растерялся, слез со спинки и замер. Чего ожидать от чужака, он не знал и приготовился бежать при первой опасности. Мужчина обошёл лавочку, достал из кармана пиджака платок, постелил, сел рядом и представился Максимом.

– Мне любопытно, ты в какую смену учишься? Вроде сейчас уроки должны быть. Три часа – самый разгар учёбы, не так ли?

– У меня свободное посещение, – огрызнулся Шкет. – Не утруждайся с советами.

– Да ну, ты брось! – махнул рукой Максим. – У меня дел хватает, буду я каждого воришку учиться заставлять... Ладно-ладно, не дуйся, я не лучше был. Не веришь, да?.. Костюм смущает? Это тряпка, пусть и дорогая, а под ней человек, только умный. Если бы не мозги, не было ни тряпок, ни машин.

– Пропагандируешь? Думаешь, поведусь на цапки? Свободу за бабки не купишь!

– По твоему, воровство даёт свободу?

Димка замолчал. Разговор по душам не нравился, и открываться перед бизнесменом не хотелось. Мало ли кем работает успешный дядя? Закачает в клетку и заставит лопать баланду, гулять по расписанию и учить логарифмы. Меньше знает – крепче спит.

– Я не ворую. Я на пособие живу... На сиротское.

– Ага, – засмеялся Максим. – А я на депутатское. Ладно, парень, мучить не стану. Держи визитку, надумаешь про школу, позвони. Предлагаю бесплатный год, на следующий заработаешь сам.

Шкет убрал карточку в карман. В течение дня он стянул барсетку, глянул кино в «Каро фильме» и поел шашлыка на Смоленской площади. Злополучная визитка выпала вечером. Димка поправлял матрас, наткнулся на разноцветный пластик и повертел в руках. Ничего странного, «Гимназия для умников», директор Глотов Максим Анатольевич, адрес плюс московский номер. Вроде без подвоха. Улёгшись на кровать, Шкет размышлял. Ему выпал шанс попасть в школу, где учат бизнесу, финансам и прочим премудростям. Ни воровства, ни

кошельков, никаких географий и физик – радость-то! Да ещё и год бесплатно! Димка вспомнил, что читал в журнале историю про паренька из Англии: тот подгадывал момент, вкладывал деньги в средненькие компании, ждал год-другой, пока фирма представит новинку, которая разлетится по миру миллионами проданных копий, и рубил тоннами капусту. И были гении вроде Билла Гейтса, грамотно придумавшие стратегию развития. Ошибались, но шли целенаправленно.

Шкет вскочил, не удержав эмоции. Он создан, чтобы стать финансовым гением и основать Свою компанию. Ведь Димка живёт в стране, где всё покупается и всё продаётся, а если не желаешь по правилам рыночной экономики, есть экономика серая, подпольная, там правил не существует. Шанс! Нельзя упускать! Шкет вырастет другим, не бездомным щенком, а свирепым псом-бизнесменом со стальными зубами. Вцепится – не оттащат. Завтра он начнет другую жизнь. Ради Кости Лазаря. Ради себя. Он докажет всем.

В восемь утра Димка позвонил Максиму и попросил записать в «Гимназию для умников». Глотов объяснил, что для начала нужно пройти собеседование на профессиональную пригодность: представить проект на словах или на бумаге: продукцию, технику, фирму, пирамиду, – что угодно, лишь бы приносило доход. Если, по мнению жюри, проект достоин внимания, конкурсант автоматически становится «умником».

– Не забывай, первый год бесплатный, – подчеркнул Максим. – Уникальная возможность. Адрес на визитке, ближайшее собеседование в пятницу. – Глотов отключился.

За завтраком в кафе Шкет размышлял над проектом. В голову лезла ерунда от магазинов до развода по смс, а толкового не придумывалось. Хотелось, чтобы зародилась гениальная идея, сродни той, что заставила Мавроди взяться за постройку «МММ» и обогатила на сотню лет. Димка прикидывал шансы, изображая на бумаге, но сосредоточиться мешала собачонка, сидевшая у ног тюнингованной блондинки. Псинка гавкала и попрошайничала вкуснятину.

– Фи. – Блондинка смешно угрожала собаке пальчиком. – Не расстраивай мамочку. Следи за фигурой, обед позже.

Шкет посмеялся над дурачествами хозяйки и питомца, и внезапно осознал, что нарвался на золотую жилу.

В пятницу Димка был среди соискателей на попадание в «Гимназию для умников». Все разместились в просторной аудитории, и каждый по очереди представлял проект. Сначала рассказывал о себе, далее о финансовых перспективах и вкратце подводил итог, подсчитывая примерную прибыль. Народ собрали разномастный: хватало и богачей, сверкающих побрякушками, и людей среднего достатка, и простых смертных с улицы: хулиганов, бродяг и воришек, пришедших попытать счастья.

Скоро позвали и Шкета.

– Добрый день, – сказал Димка. Прокашлялся, приводя связки в порядок. – Сложно было придумать новое, но, как говорится: всё новое – забытое старое. Всем известно, что в Европе и США люди помешаны на красоте и души не чают в косметических салонах. Ко всему прочему не забываем, что у большей части американцев и европейцев имеются домашние животные, хозяева которых тоже не прочь потратить денег на любимцев. – Шкет замолчал, подогревая интерес к речи. – Итак, проект. Называется он «Косметический автосалон для домашних любимцев». Суть проста: покупается дешёвый фургон за четыреста тысяч – подержанный «Пежо» или «Рено», нанимаются два парикмахера из ПТУ (эти быстро учатся), желательно парень и девушка – оптимальный вариант, внушающий доверие, дается реклама в бесплатные газеты и Интернет, через социальные сети. Нашу службу можно вызвать на дом, на любой адрес Москвы, мы окажем любые услуги: причешем, помоем с шампунем, сделаем маникюр. – По залу раздались смешки. – По желанию клиента на день рождения кошки или собаки заказывается театральная постановка, выпекается торт, комнаты украшаются шариками, проводится фото и видеосъёмка. По мере развития бизнеса в прейскурант включаются ветеринар-

ные услуги, услуги зубного врача и так далее... Заботливые хозяева готовы вкладывать кровные каждодневно. Основатели – семейная пара из Голливуда, которая отбила вложения за неделю, а через месяц заработала первый миллион. Клиенты выстраиваются в очередь аж на месяца вперед.

Димка закончил, и Глотов, делающий пометки в планшетном компьютере, пригласил следующего. Пятнадцать-двадцать претендентов несли галиматью: перепродавали «I-Phone», покрыв его золотом, серебром и бриллиантами; открывали платные кадровые агентства; видели перспективы в лохотроне через смс – один деятель так нахваливал-рекламировал «угадай слово – получи миллион», что вступил в спор с членами жюри и закончил досрочно. Было много предложений по созданию продюсерского центра и выпускающего лейбла, на котором молодые артисты записывали бы музыку.

– Не актуально, – парировал Глотов. – В России народ диски не покупает, а скачивает музыку из сети. Вы сами когда последний раз диск купили?.. Не помните? То-то же.

– Однако возражу, – раздался голос с последнего ряда.

Шкет обернулся и заметил мальчугана с зачёсанными назад длинными волосами.

Ярослав Венедиктов, – представился паренек. – Владелец интернет-магазина по продаже дисков. Вы считаете, что в России не покупают диски, я же могу вас уверить, что информация неправильна. Россияне не покупают диски, которые навязывают, и с неподдельной радостью приобретают то, что душе угодно. Взять, к примеру, любой магазин: человек заходит с улицы, бродит среди тонн разноцветных компактв и DVD, читает названия, ему хочется одного, второго, третьего, в результате он, посчитав наличность, решает не покупать, а скачать из Интернета. Дешевле и сердитее. Но, если бы он зашёл в магазин и сразу увидел то, что нужно, то не поспешил бы и приобрёл диск. По такому принципу работает мой онлайн-магазин: клиент вводит в поисковике запрос и делает заказ, а дальше мы находим и пересылаем диск. Грамотный подход, правильная реклама, и вы продадите дохлую мышь.

Глотов зааплодировал.

– Друзья, – обратился он к залу. – Ярослав Венедиктов, выпускник «Гимназии для умников». Три года назад запустил интернет-магазин «Найдется всё», замечательнейший проект. Если кому интересно с ним пообщаться, милости прошу. Пока прервёмся на обед. Через сорок минут собираемся.

Однако по пути в столовую никто из претендентов выпускника не побеспокоил. Возможно, считали себя умнее или стеснялись, как Шкет. Набросились на еду, сметая со шведского стола салаты, супы, котлеты и пирожные, торопились, словно никогда не видели изобилия. Венедиктов вошёл последним, ссыпал в тарелку остатки торта, налил чая и остановился, обводя зал глазами. Димка почувствовал на себе взгляд, будто просвечивали рентгеном, посмотрел на Ярослава и улыбнулся. Непроизвольно растянул губы вверх, что делал только при виде Лазаря. Встрепенулся, прячась, но опоздал: Венедиктов направлялся к нему.

– Здравствуй. – Ярослав сел напротив. – Слушал твоё выступление. На мой взгляд, неплохо, но есть минусы, примечательные для нашей страны. Если рассчитываешь на денежных клиентов, с фургончиком «Пежо» или «Рено» расставайся. Идеальный вариант – «Форд Транзит». Представь картину: приезжаешь на Рублёвку, таунхаус и серьёзная мадам, жена олигарха или знаменитость, хочет припудрить носик чихуахуа, а видит дешёвый фургон. С ходу смекнёт, что с бизнесом неладно, и даст от ворот поворот. – Венедиктов хлебнул из чашки. – Идея хорошая, но не новая. В Москве десятки подобных заведений, и если брать те, которые на слуху: «Любимца» и «Китти», – то они начинали с аренды машин. Брала «Хаммеры», «Мини», клеили логотипы и отбивали вложения с утренней поездки. А сейчас у «Китти» в гараже ярко-красный «Роллс-ройс», и прокатить на нём собачку стоит приличных денег.

– Помимо фургона есть оплошности?

– Пару-тройку я отметил. Если интересно, набери в Интернете и почитай историю компании «Туз». Яркий пример, как не надо заниматься бизнесом.

– А ты с чего начинал? Интернет-магазин – дебют?

– Нет. Первое дело с другом Сашей проворачивали. Покупали болванки, перекачивали фильмы, на цветном принтере печатали обложку и продавали. Закупочная цена – десять рублей, фильм – сто. Чистая прибыль – девяносто целковых. Потом я с дисками интереснее придумал. Записывал на студии талантливых детишек (обладатели «БМВ» любят, когда отпрыски играют на инструментах), заливал их песни на болванки, придумывал названия, а папы и мамы платили капусту. Легко – главное захотеть и попробовать. Как ты говоришь, нужны два парикмахера из ПТУ. Вот я и был парикмахером, – засмеялся Ярослав. – Обычная школа не давалась, а книги из серии «Как заработать миллион» я стопками читал. Фигня полная – понял, когда финансы появились, а что с ними делать, не знаю, – тогда и перешёл на учебники по экономике, о финансах, умные журналы, вкладывал в новые проекты. Так появился интернет-магазин.

– Ты прописан в Москве?

– Это что-то меняет? – насторожился Венедиктов. – Вообще да, прописан на улице Двинцев, родителей квартира, а я у бабушки на Выхино живу. Родителей лишили прав, а бабуля нянчится, судится с предками за жилплощадь. Марьяна роща метро, квартиры дорогие, Третье транспортное рядом, Сущёвский вал, до Останкино рукой подать, красота.

– Повезло, – сказал Шкет. – У меня бабушек и дедушек не осталось. Родители – алкоголики, так что детство давно закончилось. Когда я был маленький, папа занимался бизнесом и прогорел, продал квартиру в Сокольниках, переехали в Медведково в тесную двушку, он искал работу и пробовал расплатиться с долгами, но однажды кредиторы забрали последнее, переселив нас в общежитие за МКАД. В двухэтажный деревянный сарай с удобствами на улице и соседями с приветом. Там родители утратили веру и запили, а я скитался по детским домам. Нет, не жалуюсь, что дали, тем пользуюсь. Рад, что жив, что не убили.

– Максим многих с улицы вытащил. Подходил, разговаривал, оставлял визитку. Для него Гимназия – инструмент сделать другую Россию, дать шанс молодым не сесть на иглу, а выбрать дорогу успешного человека.

– Ярослав, ответь на один вопрос. Почему ты ко мне подошёл? Среди сотни подростков выбрал меня. Не кажется простым совпадением.

– Ты слышал о детях Индиго?

– Слышал. Дети-гении?

– Не совсем верно. Не гении, а дети с высоко развитым IQ, схватывающие информацию на лету. Никогда не задумывался, что ты, не осваивая школьных наук, умён и разговариваешь на равных со взрослыми, вступаешь в споры, отстаиваешь точку зрения? По-твоему, ребёнок, учащийся в школе, способен на такое? Ты – Избранный, Дима, а Избранные чувствуют друг друга... Доедай, хватит тратить время на болтовню.

Оставшиеся претенденты не впечатлили, но несколько интересных проектов рассказали. Глотов с членами жюри удалились на совещание и через полчаса огласили результаты.

Шкета в списке учеников «гимназии для умников» не значилось.

3

На улице Димка почувствовал рентгеновский взгляд, но не оглянулся и растворился в толпе. Разговаривать с Бенедиктовым не хотелось, лапши тот навешал будь здоров, а Шкет намотал её на уши. Избранный – впереди большая карьера – Димка поверил в сказки умных людей, мало того – вообразил себя одним из них, взлетел с земли на небеса и шлепнулся обратно. Он, сын спившегося неудачника и матери с холодным сердцем, вор и бродяга, сунул нос к элите.

А раньше всё было иначе...

Шкет родился в девяносто восьмом, в благополучной семье. Отец, накупив дешевых долларов, выгодно их продал и организовал бизнес, отказавшись от должности в крупной компании. Открыл фирму по ремонту отечественных машин, возил из Тольятти и Нижнего Новгорода дешёвые запчасти, держа прибыль в плюсе, и процветал. Страну трясло от экономического кризиса, люди стонали от безработицы, питались картошкой и быстрорастворимой китайской лапшой «Ми-вимекс», литрами пили «Балтику-тройку» и кололись, дабы не видеть ужасов окружающего мира.

Они жили на Русаковской улице, в трёхкомнатной квартире с высокими потолками, доставшейся по наследству от умершей бабушки. Димка заведовал отдельной комнатой, где сооружал замки из кубиков, рисовал в альбоме фломастерами и красками, играл в машинки из наборов и собирал модели из конструктора. Те дни, когда треть России страдала от нищеты, Шкет запомнил сытым и довольным. Отец приносил гостинцы: шоколадные батончики, «Киндеры», комиксы, мама находилась в декрете и занималась хозяйством. Бизнес разрастался, в дело вливались инвесторы, что-то вкладывали, что-то забирали. Здание, где располагалась фирма отца, выкупили новые владельцы и втрое подняли арендную плату. Доход стал нестабильным, Тольятти и Нижний Новгород закрыли поставки запчастей, и компания теряла устойчивость. Спасая бизнес, отец взял кредит, занял у друзей, крутился, но помогло отчасти. После нескольких неудачных недель фирма развалилась.

Не теряя надежды, родители продали квартиру в Сокольниках, чтобы рассчитаться с долгами. Купили недорогую, в Медведково. Оставшиеся от сделки деньги отец пустил на биржу, проиграл и потерял всё до копейки. От безысходности начал пить, сначала понемногу, но, когда поиски работы затянулись и привели в тупик, запил конкретно и посадил маму. По синеве они связались с очередными кредиторами и через год за просрочки были переселены в общежитие за МКАД.

Страшное общежитие долго мерещилось Димке в кошмарах. Шестилетний ребенок, вынужденный спать на измочаленном матрасе, среди тараканов и мокриц, в обществе алкоголиков и наркоманов, голодный, уставший и бледный от недостатка витаминов, жил среди ужаса и хаоса. Россия пережила кризис, а для Шкета он начинался. Просыпаясь ночью в прокуренной комнате, мальчик вслушивался в стоны продававшей тело матери и плакал. Родители совершали блицкриг вниз.

Однажды перебравший самогона отец споткнулся о матрас сына, упал и закричал. Бросился на Димку, ударил по голове, рассек висок и выбросил вместе с «кроватью» в коридор. Избитый Шкет смыл в ванной кровь, прилёг и задремал, но беспощадный холод обещал простуду. Димка побродил по общежитию, ища укрытия, потыкался в закрытые двери и заплакал от бессилия. Ночевать пришлось, прижавшись к батарее и сидя на корточках, а утром мальчик сбежал из ада.

Шкет запомнил первый день свободы. Он ходил по заснеженной Москве, дышал морозным воздухом, гулял у чебуречной, клячил у продавщицы горячие пирожки, грелся на Казанском и был взят тёпленьким вокзальными патрульными. Димку доставили в милицию, а оттуда – в детдом, в подмосковной город Пушкино. По решению суда отца и мать лишили родительских прав, а Шкет адаптировался к суровым нравам воспитанников.

В детдоме Димка показал себя во всей красе. Каждодневные драки, ссоры с ребятами из младшей и старшей групп, воровство у учителей, – парень закалял характер и силу воли, наотрез отказывался учиться и сутками прятался в библиотеке. Библиотекарша – пожилая женщина Анастасия Филипповна поила Димку горячим какао, подкармливала котлетами, рассказывала о писателях, а Шкет внимал её словам, листал книги, выучился азбуке и открывал выдуманные миры, читая то, что она советовала. Димку пробовали остепенить, грозили расправой, но из библиотеки не вытащили. Зная вздорный характер паренька, оставили в покое.

Через год отношение к Шкету изменилось. На должность директора назначили молодого диктатора, и тот мириться с буйным воспитанником не пожелал. Наказывал карцером, лишал ужина и выходных других ребят, а те ополчились и срывали обиду, поколачивая Димку. Шкет обозлился, подкараулил директора тёмным вечером и столкнул со скользкой лестницы. Директор сломал руку, получил в подарок сотрясение мозга и двухнедельный больничный. У Димки появилось время, чтобы обдумать побег.

Паренёк смотал удочки из Пушкинского детдома утром, когда все, включая сторожа, спали. Выбил заранее подпиленный прутик в заборе, протиснулся в проём и был таков. Добежал до станции, опасаясь погони, сел в автобус и уехал в Москву.

Помня прошлые неудачи, Димка схитрил. Украл у школьника ранец и из беспризорника превратился в прилежного ученика, который не гуляет по улице, а спешит ко второму уроку или опаздывает на физкультуру. Шкет обрадовался, применил выдумку в метро, попросив пропустить без билета и пользовался ею каждый день. Грелся в тёплом вагоне, дремал после бессонных ночей, проведённых на чердаках и вокзалах, и мечтал о светлом будущем: доме, семье, компьютере. Изредка хотелось вернуться в общежитие, верилось, что родители не пьют и ждут его, но Димка отгонял мысли.

Обедал он на Ярославском вокзале, в кафе. Полдня помогал по кухне, мыл полы, посуду, подметал в помещении или чистил снег у входа, а потом ел горячий суп и второе и уходил. Завтракать и ужинать получалось редко.

Зима выдалась морозной, Димка простудился и заболел. Сидел в кресле на Казанском, пил горячий чай, сбивая озноб, но температура ползла вверх. Появились кашель, насморк, недомогание. Парень залипал и просыпался в поту, люди вокруг косились и перешёптывались. Шкет сдался и через час ехал на скорой помощи в больницу.

Врачи обнаружили воспаление лёгких и прописали строгий покой. Димке кололи уколы, промывали кровь капельницами, парень отъедался и размышлял, как вернуться на улицу. Если в детдоме были возможности шататься по двору и по корпусу, то в больнице с дисциплиной оказалось строже. Палату запирали на ключ, на окнах красовались решётки, а контингент составляли найденыши с улицы, сироты и малолетние преступники. В туалете и ванной окна отсутствовали.

В конце недели в гости наведился фараон с полицейской фамилией Кротов. Поставил табуретку и начал допрос: кто, откуда, что делал на вокзале, где родители.

– Ничего не помню, товарищ рядовой, – сумничал Шкет. – Замёрз, память отшибло, склероз развился.

Кротов улыбнулся и вlepил Димке по ушам.

– Я с тобой, щенок, не шутить пришёл, – сказал рядовой. – А дело закрыть, понял? Фамилию, имя, год рождения – быстро.

– Вася Иванов, девяносто девятый, – соврал Димка. – Сирота, родителей нет.

– Место жительства?

– Не имеется.

– Сводка на тебя пришла из Пушкинского детдома. По приметам подходишь.

– Мало ли похожих людей? А что за Пушкинский детдом?..

Вернули обратным рейсом. Директор-диктатор опознал воспитанника, и по выздоровлению за Шкетом приехала машина. Посадили между воспитателями на заднее сиденье, прижали и до Пушкино Димка не шелохнулся.

В детском доме его закрыли в карцер – стандартное наказание для беглецов, и двадцать восемь февральских дней Шкет провёл в спокойствии и читал принесённые Анастасией Филипповной книги. Кормили скудно, но Димка не жаловался. Что еда, когда в романах Толстого происходят битвы, в повестях Яна Чингисхан с ордой завоевывает чужие земли, а поляк Томек с командой друзей путешествует по миру, охотясь на животных, взрослея, влюбляясь в

Салли и споря с неподражаемым Боцманом. Серые стены карцера превращаются в непознанные пустыни Африки, где пасутся стада печальных антилоп и прячутся коварные львицы. Хлопок глазами, и беспощадный монгольский предводитель ведёт войско к победе. Еще хлопок – и война, война, вокруг война, кровь убитых и стоны раненых, взрывы пушек и крики командующих.

По выходу из карцера директор запел старую песню: нужно учиться, получить аттестат, поступить в институт и вырасти достойным человеком.

– Чтение литературы ума не прибавит. Ты должен знать географию, математику, русский язык, – заключил он.

Димка согласился, сделав вид, что уступил, и ходил на уроки. Спал на истории, киснул на математике, зевал на географии и оживлялся на литературе. Вступал с учителем в полемику, писал сочинения и стихи, отвечал на вопросы. Отставал по русскому языку, но за неделю подтянулся, и в один прекрасный весенний день, когда никто не ожидал подвоха, спрыгнул со второго этажа на крышу грузовика, который привёз в детдом хлеб, и уехал в город.

Москва приняла беглеца в объятия. Снова появился ранец и вид уставшего ученика, ноги ступили на брусчатку, а руки искали денег, еды и счастья. Наглый малец воровал всё, что плохо лежало, познакомился с перекупщиками часов и обменщиками, тащил с прилавков хорошие книги, прочитывал и продавал недорого у метро, зарабатывая на ужин; не гнушался черновой подработкой в кафе, но красть было легче и прибыльнее.

На лето Димка уехал в Пирогово, на водохранилище, где познакомился со спасателями и попросился в помощники. Он помогал посетителям: надувал лодки, мыл машины, жарил и разносил шашлык, следил за детишками, чтобы не заплывали за буйки, готовил команде обеды из принесённых ими продуктов. За июнь и июль к Димке привыкли, а он жил без забот и хлопот. Загорал, купался до самозабвения – так, что зубы отбивали чечетку, по утрам занимался зарядкой, бегал, отжимался и подтягивался на турнике, ходил на руках по брускам и полноценно питался. Старший спасатель дядя Шура обучал Шкета приёмам самбо и ставил правильный удар – парень рос, крепчал на глазах и скоро боролся, как заправский олимпиец.

В злополучном августе пьяные подростки угнали с берега катер, не справились с управлением и врезались в группу купающихся людей. Дядя Шура скомандовал к боевой готовности и объявил чрезвычайное положение. В операции участвовал и Шкет. Помогал нести изрубленных винтами людей и сдерживал рвотные позывы, перемальвая во рту кислые леденцы. Люди кричали и плакали.

Утром пляж закрыли. Следствие запретило пускать посетителей до выяснения обстоятельств, спасатели разъехались по домам, а Димка с разрешения старшего остался в домике. Купался, следил за хозяйством, изредка готовил, налегал на физическое развитие и чтение, благо времени хватало. В день Шкет прочитывал по книге: садился спозаранку, с перерывами на обед и занятия на турнике, чередовал классику и современную прозу, научную фантастику и приключения, психологические тренинги и юмористические произведения. Если раньше он читал всё подряд, без разбора, то сейчас сделал упор на разносторонность, интересуясь одинаково как художественной литературой, так и серьёзными исследованиями.

В середине сентября запасы продовольствия иссякли, а ветер пронизывал домик насквозь. Кутаясь в теплую одежду, Шкет гулял по побережью, наслаждаясь прекрасными деньками, и понимал, что выбор невелик: либо улица, либо детский дом. Димка выбрал первое.

Москва! Москва-столица! Казанский вокзал, как и вчера, как и год назад, напоминал неорганизованный муравейник. Грустили гастарбайтеры: по двое, по трое сидели на тюках и молчали. В толпе блуждали карманники, резали куртки, сумки. Рекламируя услуги, кричали таксисты. Восточные шавермщики нахваливали мясо в лаваше, предлагали отведать горячего чая. Чинно и неспешно прогуливались по вокзалу хозяева – постовые милиционеры, молодые и жадные до денег (триста рублей, и ночуй на кресле, никто не тронет), приставали к азер-

байджанцам и киргизам, проверяли паспорта и регистрацию. Получив положенное, успокаивались.

Димка, привыкший к летней сытости, успокаивал желудок и готовился голодать. Руки отвыкли и потеряли ловкость, и пару раз Шкет прокололся: первый – когда вытащил кошель у сибиряка, за что получил в солнечное сплетение и минут пятнадцать восстанавливал дыхание; второй – когда украл барсетку у армянина: убегая, свернул в тупик и попал в ловушку. Армянин приложил паренька о стену и бил ногами, пока не оттащили прохожие. Димка пришёл в себя, сплюнул кровью и осколками зубов, ощупал тело и пообещал действовать аккуратнее.

Зимой Шкет попал в переделку. Исхудавший и поколоченный жизнью, он прибил к банде малолеток. Исполнял черновую роль, кричал «шухер», когда близилась опасность, ломал замки, пролазил в форточки и получал насмешки. На очередном деле банда столкнулась с конкурентами. Все крепкие, здоровые и наглые – конкуренты гнали их по площади, поймали и отметелили.

От встречи с недругами Шкет пострадал сильнее, чем от стычки с армянином. Ныли зубы, дергался правый глаз, болели ребра и спина, в туалет он неделю ходил кровью, но повезло. Организм оправился и окреп, и Димка снова стал Димкой: одиноким, печальным, но радующимся жизни.

В апреле Шкета задержал патруль, и судьба определила паренька в детский дом строгого режима в городе Подольске. Встретили, как положено. Устроили «тёмную», получили отпор и оставили в покое...

Димка же отжигал: буянил, дрался, запугивал воспитателей, отказывался учиться, гулял по крыше, рискуя сорваться, курил самокрутки, устраивал ночные рейды на кухню. Наказывали строго, пугали колонией, но Шкета ничего не брало.

Воспитатели и директор забеспокоились. Контролировать малолетнего бузотёра не получалось, и на помощь вызвали специалистов-психологов. Шкета проверяли на адекватность, проводили тесты и игры, заставляли разгадывать ребусы и загадки. Димка, заметив подвох, вёл себя примерно, на вопросы отвечал грамотно, повествовал о любимых книгах и героях, пересказал вкратце «Войну и мир», поведал о необычном хобби Гоголя – щегольстве, решил задачи, хотя математика ему не нравилась, но выглядеть глупцом, повёрнутым на литературе, не хотелось.

Психологи, сделав выводы, написали заключение, что воспитаннику уделяют недостаточно внимания, он – полноценный член общества, грамотный, сообразительный и адекватный, без отклонений в развитии. Директор, получив бумагу, разозлился и выкинул её в ведро, посчитав вердикт оскорблением.

В Подольском детдоме Димка провёл полтора года. Сбежать не удавалось: высокие стены, строгий надзор, доносы одноклассников и старших, – препятствий оказалось много, а Шкет был один-одинёшенек. Заставляли учиться, но паренёк проявлял характер и держался выбранного курса. Карали ремнём и карцером, однако Димка не сдался. Восемнадцать месяцев он боролся и выжидал момента.

Сторож закрывал ворота, не заметил, что ставня не захлопнулась, и отправился спать. Шкет, прогуливающийся по двору перед сном, вышел за пределы детского дома и побежал по лугу в лес. Поднялся шум, но пока разбирались, Димка достиг опушки. Потеряться он не боялся, примерную дорогу до станции знал, а там до Москвы рукой подать. А где Москва, там и Пирогово.

Лето пролетело среди спасателей во главе с седеющим дядей Шурой, тихо и размеренно, без драк и избиений, сыто и счастливо. Поздний сентябрь навеял грусти, но Димка подготовился к зиме заранее. Припас денег на чёрный день, положил на дно рюкзака две пачки сухарей, сверху зимнюю куртку, сапоги и свитер, и в очередной раз «покорял» столицу.

Зимние месяца прожил без осложнений. Простуда не доставала, хотя ночевал в подвалах и на чердаках. Голодать не приходилось: обедал горячим супом, а к ужину удавалось наворовать и денег, и продуктов. Вокзальные постовые привыкли и не трогали.

Единственное, что беспокоило – тоска. С грустью Димка смотрел на проходящих мимо улыбающихся детишек. Пареньку не хватало жёсткости отца и ласки матери, он вырос дикарём и сиротой, без поддержки и любви, московский озорной гуляка. Часто вечерами и бессонными ночами Шкет размышлял, что было бы, если б отец не обанкротился: они жили бы вместе, семьёй, как миллионы людей в России.

Растрогавшись, Димка съездил домой. Добрался до Медведково, оттуда маршруткой, плутал среди домов, вспоминая дорогу к общежитию, отыскал и застыл на пороге подъезда. В памяти проплывали фрагменты из детства: отец, мама, гости с красными перегарными лицами, десятки бутылок на столе, сизый дым над потолком, крики, битые стёкла и поножовщина, ухмылки на лицах милиции, – всё пронеслось за секунду. Димка заплакал, чего давно не делал (жизнь закалила, или слёзы высохли), но в ту минуту накопилось на душе, и будто плотину прорвало по весне паводком: текли они и не останавливались. Шкет сел на лавку, уткнул голову в колени и зарыдал.

Освободившись от груза, отдышался. Вытер рукавом лицо, попил воды из бутылки, поглядел на распускающиеся почки на деревьях, на небо и успокоился. Что он накрутил, зачем поехал? Здесь его не ждут, здесь другая жизнь – дно, куда не надо опускаться, и пусть лучше улица и безразличие окружающих, чем дом, где ты не нужен, где ты чужак, как приходящие собутыльники, мусор, мешающийся под ногами, заноза в пальце, которую – фить – выкинул и не заметил. Впереди лето, Пироговское водохранилище, а прошлую жизнь нужно забыть. Поставить точку. Они – сами по себе, он – сам по себе.

С разломанной душой дожил до конца мая и на четыре месяца окупился в рай. Потом пришла осень, пролетела в борьбе за выживание зима, а весной Димка встретил Костю Лазаря. Встретил, чтобы потерять.

4

Венедиктов наступал. Димка чувствовал рентгеновские лучи, проникающие сквозь толпу, прятался, убегал, но у Ярослава словно был детектор: он находил повсюду. Когда Шкету надоело бегать, паренёк остановился, поплевал на ладошки и встретил «приятеля» хорошим укумом в челюсть. Венедиктов, не ожидавший подарка, перекопился от боли и присел.

– Чего ты за мной трёшься? – налетел на преследователя Димка. – Чего надо?

– Ты ушёл, не успел с тобой поговорить. – Говори, я слушаю.

– Не здесь. Прохожие смотрят.

Они пошли по улице, и Ярослав рассказал, что произошло. Когда огласили результаты, он поспешил к Максиму и спросил, почему в списке не оказалось Димы, но тот ответил, что проблема с документами. Когда разговор закончили, Шкета и след простыл.

– Пришлось искать на ощупь, – сказал Ярослав, потирая покрасневшую скулу. – Хоть ты и закрывался.

– Я закрывался? – удивился Димка.

– Ещё как. Я сканирую, чувствую – рядом, направление держу, но минут пять и потерял бы.

– Ничего не понимаю.

– Придёт время – поймешь. А пока по порядку. Во-первых, поздравляю. В Гимназию для умников ты поступил. Во-вторых, как я понял, с паспортом у тебя беда, поэтому необходимо покумекать. Достать сложнее, чем свидетельство о рождении. В-третьих, с жильем, Максим сказал, тоже проблемы, поэтому без разговоров переезжай ко мне. Я с бабушкой поговорил,

поживёшь у нас, а потом снимешь комнату или квартиру. И в-четвертых, я доверяю тебе, ты доверяешь мне. Из дома пропадать ничего не должно, в том числе и ты сам. Второго шанса Максим не дает никому, даже Избранным. Я хочу, чтобы мы процветали, а не крысятничали. Договорились?

– Договорились.

– Хорошо, – кивнул Ярослав. – Поначалу я помогу, но ты вольёшься и смекнёшь, в чём дело. Погнали!

Они спустились в метро и поехали к Бенедиктову. Димка косился на спутника, подмигивал отражению в окне и не верил в случившиеся. Как человек без дома и семьи оказался Избранным? Как попал в сказку? Почему именно он, а не кто-то другой? Вопросы сыпались, однако Шкет не искал ответов.

На Выхино они пошли в сторону Вешняковской улицы. Димка изучал район, глазел на дома, запоминал дорогу, а Бенедиктов непривычно молчал, погруженный в раздумья. Вокруг царил хаос, напоминавший будни Казанского вокзала. С огромного щита вещал президент, обещая доступное жильё и достойную жизнь россиянам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.